

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Пинкевич В.К., Сторчак В.М., Кравчук В.В.

**Современные подходы к анализу этнорелигиозной
специфики регионов России**

Москва 2016

Пинкевич В.К., ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории современных этнорелигиозных исследований ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сторчак В.М., ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории современных этнорелигиозных исследований ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Кравчук В.В., старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории современных этнорелигиозных исследований ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

ВВЕДЕНИЕ

Исторически сложившиеся особенности России, как поликонфессионального и многонационального государства, и современные вызовы, связанные с глобальным переформатированием мира, усилением активности религиозного фактора, развитием религиозного фундаментализма и радикализма, возрастанием роли этнической самоидентификации, обуславливают необходимость анализа этнорелигиозной специфики регионов России, с учетом интенсификации миграционных процессов, ставших одним из серьезных факторов влияния на региональную политическую ситуацию.

В последние десятилетия Российская Федерация сталкивается с последствиями как внешней (в основном из стран ближнего зарубежья, в первую очередь, из среднеазиатских государств), так и внутренней (главным образом, из республик Северного Кавказа) миграции, существенно меняющей социальную и демографическую картину и во многом провоцирующей общественно-политическую активность этнического и религиозного факторов.

Анализ этнорелигиозной специфики регионов России позволит региональным и федеральным органам управления совершенствовать механизмы этно-национальной, культурной и социальной политики, осуществлять превентивные меры, направленные на снижение рисков возникновения этнорелигиозных противоречий, межрелигиозных и межкультурных конфликтов.

1. Этнополитика как фактор этнорелигиозного развития: актуальный теоретико-методологический дискурс

В научной литературе существует направление, представители которого рассматривают этничность как объективную данность, своего рода изначальную (примордиальную) характеристику человечества. Считается, что до того как индивид становится членом общества или нации, он или она уже обладают чувством общего происхождения, культурной или физической схожести, или просто близости к своим. Осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания. В своей крайней форме этот подход рассматривает этничность в социобиологических категориях как расширенную форму родственного отбора и связи, как изначальный инстинктивный импульс.

Несмотря на жестокую критику, социобиология продолжает вторгаться в дискуссии по проблемам этничности. Одним из примеров является попытка создать теорию расширенного фенотипа, авторы которой полагают, что принцип селекции в процессе человеческой эволюции проявляется на трех уровнях. Биологическая эволюция действует на уровне генов, культурная эволюция осуществляется через мемы (меме - это единицы информации, воздействующие на фенотип и передающиеся через имитацию или обучение), и социальная эволюция действует на уровне практик (единицы взаимного действия, которые определяют социальные роли). По мнению социобиологов, существует групповая селекция в человеческом поведении и преобладающая над другими этническая идентичность и националистическое поведение являются «выражением особых социальных репликаторов, а именно - националистических дискурсов и практик», которые и есть те самые мемы (или еще их называют культургенами или идеологемами), передаваемые через их носителя - человека. Так осуществляется эволюция в культуре и через этот механизм объясняется и националистическая жертвенность индивидов, и даже психология массового убийства в виде геноцида.

Схожие построения можно встретить и в российской литературе, где социальный биологизм посвящен довольно звучными именами и теоретическими конструкциями об этносах как «биосоциальных организмах», этнической пассионарности, эндогамии как механизме существования этноса, системах воспроизводства этноса и т.п. Но гораздо больше авторов продолжают придерживаться своего рода культурно-психологического варианта примордиализма, когда этничность - это прежде всего разделяемая членами группы культурная общность с объективными характеристиками принадлежности:

территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психический склад. Уже в «новом поколении» вузовских учебников в рамках родившейся в методологической смуте дисциплины под названием «историческая этнология» можно прочесть о том, что «этнические процессы стихийны, бессознательны, они не зависят от желания и воли членов этноса», а самому этносу-демиургу дается следующее определение: «Этнос - это социальная общность, которой присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социокультурных изменений». Из крупных имен с примордиализмом чаще всего связывают Клиффорда Гирца, который определял этничность как «коллективно одобренный и публично выраженный мир личностной идентичности» или как «социально ратифицированную личностную идентичность». Книга «Этническая идентичность», изданная под редакцией Жоржа Девосса и Лолы Романуччи-Росс в 1975 г., несколько раз переиздавалась (1982, 1995) и продолжает служить одним из учебных пособий в американских университетах. Как пишут ее редакторы, «хотя противопоставительные атрибуты этнических характеристик, исходящие извне группы, помогают сформировать внутренний опыт этнической принадлежности на протяжении чьей-либо жизни, все же внутренне мотивированные инструменталистские и экспрессивные использования этничности являются конечными детерминантами при определении своей собственной принадлежности. В конечном счете, этничность есть социальная форма лояльности и экзистенциальное значение, проистекающее из человеческой потребности иметь преемственную принадлежность. Последнее есть дополнение к использованию этничности в ситуациях, когда определяется отличительность от других». В этом случае этничность связывается с основополагающим психологическим процессом категоризации индивидом окружающего мира и сепарации индивида и группы от «других».

Сегодня Жорж Девосс уже соглашается, что этничность, как и любая форма социальной идентичности, прежде всего имеет субъективную природу и является «коллективным чувством социальной принадлежности и высшей формой лояльности, связанной с родством и верой в общее происхождение». Этничность - это как бы преданность/верность/лояльность (*allegiance*) в прошедшем времени или обращенная в прошлое в отличие от других форм идентичности, основанных на современных и ориентированных на будущее установках. Это прошедшее оформляется в современное бытование главным образом через культурно-языковые характеристики, которые ученые

прослеживают через географию и историю той или иной отдельной группы. Культурный багаж и его преемственность позволяют находить личное и социальное значение человеческого существования и дать ответ почему индивид ведет себя и действует в соответствии с определенной традицией. «Не иметь чувства преемственности - это означает личностную смерть», - заключает Жорж Девосс, повторяя уязвимую, но ставшую влиятельной на обыденном уровне литературную метафору Чингиза Айтматова о манкуртах - людях, утративших «собственную» культуру.

Сторонники культурно-языковой или психо-культурной интерпретации этничности иногда ссылаются на американского лингвиста Эдварда Сэпира, который полагал, что «подлинная» культура на уровне индивида может выражаться только на одном, «родном» языке. Второй приобретенный язык никогда не сможет обрести внутреннее эмоциональное богатство, которое передается через язык рождения и детства. Поэтому изменения этнической идентичности могут рассматриваться как неестественные и навязанные, если эти изменения происходят уже с взрослым человеком. Идентичность - это неотъемлемая психологическая часть «я» и осознанное представление о том, что это «я» представляет собою по отношению к группе. В период расцвета радикально-националистической политики конца 80-х - начала 90-х гг. подобные взгляды о вреде двуязычия, пагубности ассимиляции, этнических миграций и браков неоднократно высказывались в советской и постсоветской публицистике.

Примордиалистский взгляд на этничность в условиях ее бурных политических манифестаций последних десятилетий, казалось бы, представляется наиболее корректным и легче всего понимаемым обыденным сознанием. Не зря некоторые авторы предлагают проводить различие между «этничностью в сердце» и «этничностью в голове», имея в виду эмоционально-бытовую нагруженность этнических реалий и текстов. Особенно это касается обществ, где этнокультурным различиям придавалась и придается особая значимость вплоть до ее официальной регистрации и даже построения государственности на этнической основе. В рамках этого подхода были выполнены основные труды в отечественной этнографии последних десятилетий. Остаются авторитетные его сторонники и в зарубежной науке.

В то же время социальное значение этнической идентичности включает в себя помимо эмоциональных и экспрессивных моментов также и рационально-инструменталистские ориентации. Этничность, как бы пребывая в спящем состоянии, «вызывается» к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и солидарного поведения, стремления к гармонии и для достижения гедонистических

устремлений. Этот так называемый инструменталистский подход к этнической идентичности как к символическому и реальному капиталу позволил сделать целый ряд крайне важных выводов и наблюдений, особенно в сфере экономических и социальных отношений, а также в сфере политики, языковых и межэтнических контактов.

Однако инструментализм, как и примордиализм, совершая довольно уязвимую первичную операцию с определением этничности как культурного архетипа, порождает в ряде случаев неубедительные заключения. «Этническая идентичность в конечном итоге связана с вопросами удовлетворения социальных потребностей и с проблемой обретения зрелой способности переносить страдание и смерть, предназначенные судьбой. Этническая идентичность придает ощущение собственного прошлого. Безвкусице разовых изделий, называемых молодым поколением «пластик», противостоит чувство достижений прошлого, которое заботливо передается новому поколению. Лишенные последнего, индивиды сталкиваются с безразличием, скукой и чувством бездомности, или аномии».

Большинство современных специалистов придерживается мнения, что этничность - это форма социальной организации культурных различий, если следовать одному из наиболее влиятельных теоретиков, норвежскому ученому Фредерику Барту. Им же было еще в конце 60-х гг. обращено внимание на то, что центральным моментом в научном анализе данного феномена является этническая граница (*ethnic boundary*), которая определяет группу, а не сам по себе содержащийся в пределах этих границ культурный материал. Важнейшим аспектом при определении этнической группы, по мнению Барта, является самокатегоризация или категоризация другими. Эти основные положения, знаменовавшие переход к интерактивному подходу в изучении этничности, сохраняют свою значимость, хотя с тех пор их автор внес ряд новых положений, а усилиями многих специалистов изучение этничности за последние два-три десятилетия продвинулось далеко вперед. Сам Барт, спустя 25 лет после выхода книги, суммировал основные положения данного подхода в следующих тезисах, которые мы в целом разделяем.

Этническую идентичность следует рассматривать больше как форму социальной организации, чем выражение определенного культурного комплекса. Процесс рекрутирования в состав группы, определения и сохранения ее границ свидетельствует, что этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств и ситуативных воздействий.

Будучи вопросом сознания (идентификации), членство в этнической группе зависит от предписания и самопредписания. Только после того, как индивиды разделяют общие представления о том, что есть этническая группа, или же они заключены в рамки этих

представлений внешними обстоятельствами, они действуют на основе этих представлений, а этничность обретает организационные и институциональные различия.

Только те культурные характеристики имеют первичную значимость, которые используются для маркировки различий и групповых границ, а не представления специалистов о том, что более характерно или «традиционно» для той или иной культурной общности. Конструируемые в этом контексте культурные стандарты используются для оценки и суждений на предмет этнической принадлежности.

Наконец, ключевую роль в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, т.е. мобилизация членов этнической группы на коллективные действия со стороны лидеров, которые преследуют политические цели, а не выражают культурную идеологию группы или «волю народа».

Данные положения сильно отличаются от длительно господствовавших представлений о природе феномена этничности и от влиятельной этнической риторики в сфере политики. Это было одно из первых применений в социально-культурной антропологии так называемого конструктивистского подхода. Последний достаточно радикально меняет взгляд также на место исторического материала и на роль исторических интерпретаций, которые обычно рассматривались как объективный источник и детерминанта этничности (напомним начальную часть дефиниции этноса как «исторически устойчивой общности людей»). В данном случае история скорее выступает как синхронизированный в современности дискурс, или как «борьба за обладание прошлым». Последнее особенно наглядно проявляется в той части историографических сочинений, которые называются этнической историей или историей этноса, особенно в их радикально-националистической форме, процветающей на территории бывшего СССР еще с времен социалистического «национального строительства». История некоторых из таких дебатов уже стала предметом специального анализа.

Трудности с восприятием конструктивистского подхода заключаются в том, что он не только противоречит онтологическому подходу, представленному различными позитивистскими, в том числе и марксистскими интерпретациями, но и наталкивается на глубоко укоренившуюся в науке структуралистскую формулу анализа этничности «мы и другие», которая предполагает существование глубоких культурных оппозиций для осуществления акта этнического самосознания и групповой консолидации. Структуралистский подход представлен известными именами («Структурная антропология» Клода Леви-Стросса была издана на русском языке в 1983 г.). По мнению поклонников глубоких архетипов сознания и так называемых «бинарных оппозиций» в системе культурных кодов, существует некий «изначальный пласт традиционной

культуры; на нем, а порою отталкиваясь от него и противопоставляя себя ему, возникает официальная, элитарная культура. И в силу своей изначальности первая охватывает все структурные подразделения культуры». Метод изучения «категорий в культуре этноса», благодаря которым «индивиды и группы имеют возможность осознавать и определять свое поведение, природное и культурное, т.е. ими же создаваемое, окружение по определенным вехам, эталонам, общепринятым в данном этносе нормам, словесным и поведенческим клише», представляется как «способ решения стоящей перед человечеством с незапамятных времен проблемы «они и мы», получившей в последние годы в литературе звучное название диалога культур».

Структурные оппозиции как основа этнического самосознания, особенно его социально-психологического аспекта, присутствуют в обширной этносоциологической литературе отечественных авторов. На них даже выстраиваются индексы культурных дистанций, разобщенности или близости этнических групп. Примером обстоятельного исследования может быть назван научный проект «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации», выполненный в Институте этнологии и антропологии РАН под руководством проф. Л.М. Дробижевой. Г.Н. Солдатовой рассматривается этническая идентичность и этнополитическая мобилизация на примере четырех российских республик (Северная Осетия, Татарстан, Тува и Якутия). Автор рассматривает этническую идентичность «как разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиции, места происхождения (территории) и государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп». Структурные характеристики в этом исследовании дополняются когнитивно-мотивационной сферой личности и этничность рассматривается как на уровне собирательного Я-образа группы, так и содержание Мы-образов или автостереотипов. Интересные выводы о тенденциях формирования этнической идентичности и их состоявшихся и возможных политических проекциях построены на массовых социологических опросах, но у меня в данном случае возникает ряд вопросов к подобной широко распространенной методологии, которая строится на собирательных культурных образах и компоненты которого еще к тому же задаются и самим исследователем.

Проблема с этим подходом при изучении этничности состоит в том, что понятие «мы» крайне ситуативно и иерархично. По аналогии с понятием «сегментарного линиджа» Эванса-Причарда, самоидентификация - это целая линия выборов по

восходящей или нисходящей, в зависимости от очерчиваемого круга доступных индивиду коллективных принадлежностей или коалиций. Американский антрополог Дрю Глэдни описал это явление «относительной инаковости» (relational alterity) на примере конструирования многоуровневой идентичности среди дунган (хуи), уйгур и казахов, проживающих на территории Китая, Центральной Азии и Турции.

Согласно исследованиям социологов, многие из тех, кто категоризуется как представители титульных национальностей, на самом деле живут и участвуют как минимум в двух культурах, если даже они не ближе к русской культуре. Вопрос с подобной категоризацией заключается в том, что культурные дистанции внутри групп меньшинств в обществах с высоким уровнем ассимиляции в пользу доминирующей этнической (в данном случае - русской) или общегражданской культуры (в данном случае - российской русскоязычной) гораздо более значимы, чем межгрупповые, но этот аспект этнической ситуации остается как бы вне внимания исследователей в силу методологической установки на определение различий. Понятие «мы», как в прошлом, так и тем более в современных условиях, гораздо чаще ассоциируется с внеэтническими и даже глобальными категориями (граждане, люди, человечество). В России то, что обыденно называется русской культурой или идентичностью, на самом деле не содержит исключительно этнического значения. В большинстве плюралистичных обществ этнические границы и межэтнические отношения сводятся не к определению чужаков, а к взаимодействию с соседними и хорошо знакомыми «другими». Эти отношения в большинстве случаев - это отношения сожительствующих и тесно взаимодействующих в рамках более широких и мощных социальных систем индивидов и групп, для которых гораздо более значим вопрос, почему и как «мы» отличаемся от «них», а не эгоцентристский, а тем более, гегемонистский взгляд на «других».

Множественная и ситуативная (релятивистская) природа этнической идентичности гораздо сложнее, чем это предлагает структуралистская формула оппозиций через отрицание. Гораздо чаще позитивное и негативное неразделимы и сосуществуют для совершения акта идентификации. В любом случае, достаточно расхожий тезис, что «идентичность конструирует свое позитивное через отрицание», представляется грубым упрощением.

Дополнительная сложность с пониманием конструктивистского подхода заключается и в том, что отдельные индивиды, этнические общности и этнополитические движения имеют как бы свои собственные (обыденные или пропагандистские) представления о том, что составляет ту или иную этническую группу. Этот обыденный взгляд содержит элементы воображения, приписывания определенных черт, обязательной

гомогенности и первичной значимости этнической принадлежности, хотя более внимательный анализ выявляет совсем иную природу частных стратегий. Человек рождается и живет, прежде всего, не для служения группе/нации, а для собственного социального преуспевания. И свободу индивид обретает не в ассоциации, а в диассоциации от группы. Внешнее требование «играть в одну игру по одним правилам» накладывает на члена группы огромные ограничители и далеко не только создает дополнительную комфортность и защиту от внешних вызовов.

Обыденный уровень сознания и деятельности оказывает огромное воздействие и на научный анализ, ибо мобилизует на свою сторону политику, бюрократию и даже конституционно-правовые нормы, порождает так называемую симпатизирующую этнографию, основанную часто как на политической наивности, так и на политически корректной идеологической позиции.

Существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собою социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно, со стороны государства. Суть этих общностей, или социально конструируемых коалиций, составляют разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к общности, или, идентичность, а также возникающая на основе этой общей идентичности солидарность.

Границы общностей, образуемых на основе избранных культурных характеристик, и содержание идентичности являются подвижными и изменяющимися понятиями не только в историко-временном, но и в ситуативном планах, что делает существование этнической общности реальностью отношений, а не реальностью набора объективных признаков.

Конструируемая и основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности природа социально-культурных коалиций определяется их целями и стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организация ответов на внешние вызовы через солидарность одинаковости, общий контроль над ресурсами и политическими институтами и обеспечение социального комфорта в рамках культурно гомогенных сообществ.

Существует общее определение этнической группы как общности на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях. Этими «другими» могут быть не обязательно контактирующие культурные общности, но и более широкие социальные и культурные коалиции, как, например, государственное образование. Самоидентификация может

осуществляться как через взаимоисключающую оппозицию («мы - эстонцы и даже не бывшие советские», или «мы были, есть и будем русскими»), так и через осознаваемую отличительность как один из элементов множественной идентичности.

Понятие этнической группы является синонимом более широко употребляемых в отечественной литературе понятий народ (в этнокультурном смысле), этническая общность (этнос), или национальности. Но в смысловом плане это определение радикально расходится с господствующим представлением об этносах (народах) как «исторически сложившихся устойчивых общностях людей», да еще на основе этногенеза как начальной стадии формирования этнических общностей, хотя, как пишет Ю.В. Бромлей, «не исключено, что новые этнические общности могут возникать в будущем».

Признаком этнической общности является не «общее происхождение», а представление об общей исторической судьбе членов этой общности. Осетин объединяет не общее происхождение от «предков алан», а внедренная через исторические сочинения и пропаганду вера, что аланская культурная традиция - это те же осетины и никто другой, но только в далеком прошлом, когда эта культура имела широкое распространение на Кавказе. Хорватов объединяет не свой отличительный язык, а убеждение, что хорватский язык отличен от сербского и настойчивое его именование хорватским. И так фактически со всеми известными признаками этноса, в том числе и с признаком общей культуры, которая чаще всего на поверку оказывается столь же гетерогенной и внутренне различительной, как и то, что кажется «другой» культурой, не говоря об огромной доле заимствований, которые интеллектуалы и этнические предприниматели зачисляют в собственный арсенал. Вера в то, что это - «наша культура», и есть тот признак, а не сам по себе очерченный культурный облик, который без этой веры ни о чем не говорит, т.е. культура сама по себе молчалива.

Существуют две конкурирующие формы групповой идентичности: одна - по культуре, другая - по политической лояльности, которые отражают существование наиболее мощных форм социальных группировок людей - этнических общностей и государственных образований. Между двумя этими идентичностями имеет место сложный диалог, и каждая из них есть также многомерное явление, а не мешок с горохом, наполненный в первом случае «этнофорами» (носителями или членами этноса), во втором случае - гражданами с одинаковыми паспортами. Что отличает этническую идентичность от других форм социальной идентичности, так это прежде всего вера или представление об общеразделяемой культуре, хотя в ряде случаев это может быть идея или миф об общности происхождения и общей истории как основных отличительных характеристиках этнической общности.

Таким образом, центральным моментом порождения этничности, а значит и появления группы (а не просто описанного культурного комплекса), является категория границы. Граница формирует идентичность, но это не обязательно этническая идентичность. Этничность - это прежде всего то, что относится к осознанию культуры, ее использованию как ресурса и в тоже время является ее частью. Однако сами культурные комплексы не являются гомогенными и четко отличительными. Прежде всего, в силу избытка заимствований часто имеет место дефицит культурной отличительности, чтобы очертить границы. Элиты в стремлении мобилизовать этническую группу против своих противников или против центральной государственной власти стремятся увеличивать сумму групповых черт и символов, чтобы доказать, что члены группы отличаются не только какой-то одной чертой (например, диалектом), а многими чертами. Предпринимаются особые усилия в поддержку процесса культурной дивергенции. Этот процесс обретает особо масштабный характер, если ему на службу поставлена государственная машина. Различия между украинцами и русскими, между казахами и киргизами, между узбеками и таджиками стали гораздо более многообразными и жесткими за последние десять лет, чем это было в советский, а тем более в досоветский период, когда и сама культурная конфигурация была несколько иной, базируясь на династических, религиозных, региональных/местных лояльностях.

Но даже если в основу групповой границы положен крайне ограниченный или, наоборот, очень богатый набор черт, то и в этом случае необходимо достичь согласия в представлениях индивидов о своей принадлежности к этой общеразделяемой идентичности. В науке и в политике считается достаточно аксиоматичным, что если первичная единица этнографического анализа установлена и для политиков ясен субъект их деятельности под названием «мой народ», то все члены группы исповедуют или должны исповедовать одну и ту же религию, говорить на одном языке, носить одинаковые одежды и есть одну и ту же пищу, петь одни и те же песни. Оппоненты из числа тех же элитных элементов, которые стремятся поставить под сомнение претензии от имени той или иной группы на подлинную индивидуальность, целостность, а тем более политические или иные требования, стремятся утверждать обратное. Обычно доказывається, что члены группы распадаются по определенным критериям и что они разделяют ряд культурных черт с другими группами, или имеют с ними общие «субстраты», т.е. исторические корни.

Все это имеет отношение, прежде всего, к элитным усилиям по конструированию этнической идентичности. Что до сих пор не находило должного анализа и должно привлечь больше внимания, несмотря на трудность исследовательской задачи, так это

микроуровень и в том числе личностный уровень этнической идентичности. Здесь исследователя могут ожидать полезные открытия. Обычно люди имеют самые разные представления о своей этнической общности. В какой-то мере этническая общность - это всего лишь сумма индивидов, каждый из которых воспроизводит этничность для самого себя. Безусловно, среди русских существует масса вариантов того, что для отдельных лиц означает быть русским: для одних - это язык и высокая культура, для других - православная религия и традиция соборности, для третьих - это любовь к ландшафту и русской зиме, для четвертых - это загадочная коллективная душа и особая миссия, для пятых - это держава и историческое величие, наконец, это может быть просто «русская физиономия» и фамилия, оканчивающаяся на «ов». И так - среди всех народов, если в какой-то исторический момент группа не обретает некий общий символ-демиург, который становится почти всеобщей характеристикой личностных представлений. Так, для многих армян - это геноцид начала XX в., для многих евреев - холокост второй мировой войны, для чеченцев - это депортация и война за независимость. Однако подобная идентификационная уния, как правило, на основе комплекса виктимизации порождается и бытует в условиях кризисов и непосредственных внешних угроз. Обычно же этническая идентичность личностного уровня инвариантна, а это означает, что бартовская концепция границы тоже есть некая условность и даже не средняя сумма избранных маркеров, ибо подобную сумму вычислить крайне сложно, если возможно вообще.

Личностно-ориентированный подход к изучению этнической идентичности выводит на одну из ключевых проблем, которая пока не нашла должного объяснения и может быть плодотворно рассмотрена в рамках социально-психологических подходов. Существуют достаточно признанные положения эволюционной теории, согласно которым индивид должен рассчитывать свое поведение и при возможности максимизировать свой собственный интерес во имя социального преуспевания и даже выживания. Поэтому в этой парадигме пренебрежение собственным интересом есть отклонение от стандартной нормы, которое происходит в результате определенных когнитивных провалов личности, ошибки в расчетах. В этой связи американский ученый Поль Стерн задал названием одной из своих статей следующий вопрос: почему люди жертвуют во имя своих наций, часто ради группового блага, но в ущерб собственного? По его мнению, эмоциональные связи с первичной группой, а также социально передаваемые нормы и правила могут оказываться сильнее соображений личного интереса, поскольку «легче следовать правилам, чем делать утилитарные расчеты».

Однако вопрос должен ставиться не в плане противопоставления эгоизма и групповой лояльности как нормы и отклонения, а в том плане, что оба феномена

присутствуют в человеческом поведении. Вопрос только в том, как национализму удастся выигрывать состязание не только с личностным эгоизмом, но и с другими формами групповых идентификаций, такими, как семья или община, у которых гораздо больше оснований претендовать на личность. Чем объясняется альтруизм к нации или этнической общности в ущерб интересам группы, с которыми личность связана непосредственно? Ответ на этот вопрос, видимо, лежит не в деформации естественного эгоизма, а в том, что существует определенный выбор множественных ценностей и предпочтений, и люди руководствуются различными принципами выбора, из которых рациональный выбор в пользу эгоизма - только один из многих. На этот выбор влияют различные факторы, в том числе культурная и личная история индивида, социальные условия, внешние психологические воздействия, а самое главное - способность людей оценить всю эту информацию и принять наиболее рациональное решение.

Когда индивид сталкивается с риторикой национализма и призывается на службу нации, эти призывы могут не влиять на идеально рациональный субъект. Однако рефлексия на внешние призывы зависит от того, как они оформлены и в какой ситуации транслируются, а также есть ли способность и возможность у личности оценить последствия предлагаемого выбора и соотнести с другими возможными стратегиями. Если в обществе господствуют единственные представления, что у каждого обязательно должна быть этническая национальность и только одна (иначе ты - манкурт!), и люди соответствующим образом ценностно ориентированы, то и выбор в пользу этнической лояльности до уровня жертвенности более предопределен, чем при других условиях и ценностях. И дело здесь не в «гиперэтничности» как свойстве строения определенной личности, а в недостатке информации, а значит и доступности выборов для рационального поведения. Если людей учили только варианту «национально-освободительной борьбы» и «национального самоопределения», и они не знают, как улучшать правление в многоэтничных обществах во имя общего блага, то их жертвенный альтруизм во имя вооруженной борьбы - это наиболее доступный выбор для многих. Тем более что времени на обучение, получение информации и рациональный расчет почти нет, ибо под окнами твоего дома уже могут грохотать танки со своим собственным вариантом альтруизма или эгоизма.

Таким образом, привлекательность и влияние этнической идентичности и националистической риторики имеют также когнитивную, социально-психологическую природу, особенно если речь идет о личностном и ситуативном уровнях, а не о глобальных явлениях.

Аргументом современных этнонационалистов становится упрощенная картина внешнего мира: в Испании живут самоопределившиеся испанцы, в Англии – англичане, в Китае – китайцы, в Индонезии – индонезийцы, в Пакистане – пакистанцы, во Франции – французы и т.п. И в мире осталась только последняя (после распада Югославии) «многонациональная империя» Россия, где даже после распада СССР самоопределились не все нации, а только четырнадцать и которая остается «миниимперией». Россия есть некая историческая аномалия, нуждающаяся в современной коррекции.

Отметим, что СССР был длительным поборником идеологии национального самоопределения для колониальных народов, и в рамках его влияния эта идеология насаждалась как средство поддержки «международного национально-освободительного движения», геополитического соперничества и разоблачения империализма. Ученые-пропагандисты не смогли понять, что принцип самоопределения касается прежде всего колониальных стран и что он исключает этническую трактовку субъекта самоопределения – народа, который понимается, прежде всего, как территориальное сообщество. Не особенно задумывались эксперты и над тем, что реализация права на самоопределение в эпоху деколонизации носила явно антиэтнический, антитрайбалистский характер. Иначе ни одно новое государство в бывшем колониальном мире не имело бы возможности появиться.

Поздний национализм вызвал серьезные переоценки в мировой литературе и в политической практике. Самое обескураживающее то, что эти изменения в подходах произошли не в результате накопления нового знания, а под воздействием новых политических перспектив и новых амбиций активистов социального пространства (политиков и экспертов, прежде всего). Э.Хобсбаум и ранее называл национализм «политическим проектом», сегодня же можно говорить о проекте вокруг национализма, т.е. об эксплуатации этой категории в политико-идеологическом «воленавязывании» от уровня местных общин до мирового сообщества.

Язык советского/российского обществоведения и политики в рамках так называемой марксистско-ленинской теории нации и национального вопроса и порожденная ею политическая практика оказались саморазрушительными по своим непредвиденным политическим последствиям. Эта проблема сохраняется и в новой России.

В этой связи особый интерес представляет та готовность, с какой западные ученые и политики воспользовались языком давних идеологических оппонентов и самим процессом саморазрушения для возможных интригующих сценариев: сначала для демонтажа СССР, а ныне ради перспективы второго круга дезинтеграции за счет России.

Позиция западных ученых (независимо от дисциплины и отечественной традиции использования терминологии) довольно быстро консолидировалась, и смысл ее состоит в том, что в «многонациональной России» нет этнических и даже национальных меньшинств, а есть не-статусные нации или «нации без государств». В эту категорию были зачислены, прежде всего, те нерусские народы, которые на самом деле имеют высокий уровень этнотерриториальной автономии (республики-государства), собственные конституции, государственные символику и языки, легитимные органы власти и сильное представительство в федеральных органах власти.

Для американских специалистов народы навахо или гавайцы остаются в категории этнических групп, или меньшинств, хотя в среде этих групп уже давно присутствуют «национальные движения» под лозунгом самоопределения нации навахо или гавайской нации.

Одним из аргументов западных политиков является ссылка на то, что ученые, особенно работающие среди этнических групп антропологи, должны отдавать предпочтение категориям и политическим словам, которые используют члены этих групп в качестве самокатегоризации. Если якуты или татары называют себя нациями, то ученым политически некорректно писать о них как об этнических группах или меньшинствах. Этот аргумент можно было бы принять, если бы работы по другим регионам мира также строились на лексике местных активистов. Идеологическое послание здесь прочитывается довольно четко: этнические проблемы в многоэтнической России – это всего лишь проблемы меньшинств, их культурных статуса и запросов; национальные проблемы в многонациональной России – это проблемы наций и их самоопределения. Последний подход исключает разговор о России как о государстве-нации и о ее национальных проблемах в гражданском и государственном смыслах.

Политически мотивированная амбивалентность языка началась не со времени краха СССР. Еще в 1960–1980-е годы под мощным влиянием правозащитных движений и движений меньшинств в международный академический и политический язык стало внедряться понятие «нация» в этнокультурном смысле. Ряд известных философов, политиков и публицистов выступали довольно последовательно, как им представлялось с общегуманистических позиций, против различных форм прямого и структурного насилия, которые часто осуществляют государства в отношении не доминирующих групп населения. Эта линия нашла отражение в работах норвежского ученого Й. Галтунга, последняя книга которого содержит амбициозный план переустройства мира на мирных принципах», в том числе через создание «организации объединенных этнонаций. Являясь сторонником государственного самоопределения этнокультурных общностей, он считает,

что этот принцип универсален для всего мира. В любом случае, эта позиция давняя и последовательная; за ней не стоит геополитическое соперничество, хотя с научной точки зрения план Й. Галтунга, имеющего репутацию зачинателя изучения проблем мира, выглядит наивным и опасно утопичным для современного мира многоэтнических государств.

Многие западные ученые выступают безоговорочными адвокатами малых и дискриминируемых групп. При этом они нередко играли роль политических лоббистов, связанных с местными радикальными активистами и вождями, которых они воспринимали и представляли как выразителей воли и общего интереса той или иной группы. Именно это обстоятельство дало основание норвежскому ученому Ф. Барту сделать замечание в адрес антропологов, которые постоянно действуют с узких позиций (самозванных) адвокатов и лоббистов этнических групп и их требований. Они пренебрегают более обстоятельным анализом процесса выработки коллективных решений, который имеет место на среднем уровне, и они не обращают внимания на то, что это может приводить к политике, которая идет вразрез с желанием людей и интересами народа, от имени которого они выступают.

В свое время «национальную» семантику этническому дискурсу на уровне международного официального языка помогли придать восточноевропейские лоббисты. Именно по настоянию венгерских экспертов и политиков в текст Декларации МОТ «О правах лиц, принадлежащих к этническим, языковым и религиозным меньшинствам», было добавлено определение «национальным». Таким образом, типологически сходные конструкты стали квалифицироваться в одних странах Европы как «языковые» или «этнические меньшинства», а в других – как «национальные меньшинства». Гетероглоссия стала политикой, когда был назначен Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств. Самой терминологией сфера его деятельности была ограничена странами бывшего СССР и другими подобными лингвистическими последователями в «национальном вопросе». В Ольстер, Тироль или в Страну Басков Верховный комиссар Ван дер Штул так и не был допущен, поскольку там (по дефиниции) живут «этнические», «религиозные» и «языковые», но никак не «национальные» меньшинства. Однако трудно доказать, что кроме традиции внешнего предписания, которое, отчасти, стало и самодефиницией, существует принципиальная разница между гагаузами в Молдове, татарами в России и басками в Испании, тирольцами в Италии, ирландцами в Ольстере.

И все же радикальный коллапс в понимании и в отношении к национализму произошел на Западе в самые последние годы. Это случилось по причине инерции

менталитета «холодной войны» и реванша со стороны мощной когорты не ушедших в отставку борцов против коммунизма (сейчас – против империи). Именно в последние годы международные юристы научились пересматривать доктрину самоопределения в пользу отказа от принципа территориальной целостности государств и признания самопровозглашенной сецессии. Именно в последние годы политические философы осуществили радикальный пересмотр понятия «национальность» в пользу его этнокультурного (советского) смысла. Именно в последние годы стали доминирующими явно слабые, но политически корректные объяснительные модели крупнейших изменений текущего десятилетия, прежде всего крах коммунизма и распад СССР. Эти модели основаны на ставших уже недискутируемыми клише французской исследовательницы Э. Каррер Данкосс о «распадающейся империи» и о «триумфе наций».

Наконец, только в последние годы, когда международные активисты защиты «непредставленных народов и наций» обратились к территории бывшего СССР, эти постулаты нашли откровенную поддержку на уровне государственного внешнеполитического планирования. В 1995 г. Американский институт мира и Отдел политического планирования Государственного департамента США провели специальный круглый стол по вопросам самоопределения, на котором была выработана позиция поддержки таких неправительственных организаций, как, например, базирующаяся в Гааге Организация непредставленных народов и наций (ОННН). Автор доклада по итогам круглого стола формулирует следующий вывод в отношении членов ОННН: «Эта группа народов, которая не имеет мест в ООН, существует с 1991 г. и была организована как частичный протест в ответ на нежелание их признания со стороны международного сообщества. Среди этих членов – чеченцы, татары, башкиры, чуваш, гагаузы, абхазы, которые представляют собою самостоятельные народы бывшего Советского Союза, живущие на территории государства, где господствует другая этническая группа. Эти группы не получили независимость после распада СССР просто по причине невезения, а не потому, что они ее меньше заслуживают. Будет ли международное сообщество продолжать игнорировать эту группу народов, находящихся в опасности?».

Однако с изучением национализма не все обстоит столь безнадежно. Теоретические положения работы Р. Брубейкера о европейском национализме помогают совершить серьезный прорыв в понимании того, что есть национализм. По мнению автора, взрыв национализма не должен вести нас к признанию наций как чего-то материального. «Национализм может и должен быть понимаем без обращения к «нациям» как к объективным общностям. Вместо фокусирования на нациях как на реальных группах нам следует обратиться к национальному, «нации» как практической категории, как

институциональной форме и как к делу случая. «Нация» – это категория практики, а не категория анализа. Чтобы понять национализм, нам необходимо понять практическое использование категории «нация», как эта категория структурирует понимание, наполняет мысль и опыт, организует дискурс и политическое действие». Это замечание сходно с моим выводом, сделанным в том же году, что нация не представляет собой научную категорию и что она должна быть устранена из языка науки и политики.

Интересные наблюдения были сделаны и в отношении национализма трансформирующихся обществ. Г.-Р. Уикер, в частности, пишет: «Возрождение национальных идентичностей и этнизация различных социальных секторов общества являются побочными воздействиями трансформации, которая неизбежно вызывает ослабление государства, уменьшение социальных прав и либерализацию экономики. Суммарное воздействие этих процессов быстро вымывает последние остатки социальной солидарности. Хотя странно видеть, что новые национализмы обращаются к докоммунистическим временам в поиске значимых концептов, не следует забывать, что структура этой национализации в конечном итоге обусловлена коммунистическим наследием... В действительности упадок власти в центре способствовал подъему региональных элит. Многие национализации и этнизации на региональном уровне, первоначально нацеленные на создание независимой государственности, используются региональными элитами для получения своей доли обанкротившегося коммунистического поместья. Подобные процессы регионализации и роста этнической значимости развязали этнические войны в бывшей Югославии и в регионе Кавказа, а также вызвали движения откровенной дерусификации в балтийских странах». Это внимание к проблеме с точки зрения процесса («национализация», «этнизация»), а не тотальной целостности «нации» и «этноса» очень близко нашим собственным методологическим позициям.

Интересен подход к нации как к дискурсивным практикам в системе отношений власти и знания, как к симбиотической взаимосвязи между национализмом и организующим знание принципом историчности, которая представляет собой одну из форм властных отношений в современных государствах. Как заключает в журнале «Нации и национализм» один из современных авторов на примере функционирования мифа о шведской нации, «эта практика является результатом взаимодействия между институционно оформленным и суверенным, или объективным, государством и интеллектуальным знанием и его институционной формой внутри государства в виде научного сообщества, которое обретает суверенитет в производстве объективной истины. Этому особому виду дискурсивной репрезентации, за которой на самом деле стоят личностные взаимодействия и борьба за и внутри официальных институтов, удастся

производить субъект исторической нации... Нация не является историческим субъектом; это социальные отношения власти и знания. Тем не менее, эти отношения становятся формой дискурсивного режима, при котором нация представляется как исторический субъект». Подобное суждение, неожиданное для журнала, руководимого лидером ортодоксального подхода Э. Смитом, заслуживает внимания российских исследователей.

Религиозное пространство России в конце XX – начале XXI века

В течение последнего десятилетия XX в. структура религиозного пространства России существенно изменилась. К началу 1990-х гг. она была представлена всего 15 – 20 религиозными направлениями. Поскольку исторически носителями определенных религий были коренные этносы или группы этносов, ареалы их традиционного, исторически сложившегося расселения являлись одновременно и ареалами распространения исповедуемых ими религий. Для современного общества характерна тенденция к росту религиозного разнообразия, что связано с изменением национальной структуры населения регионов, внешней и внутренней открытостью страны. Сейчас практически во всех регионах России проживают люди, как минимум, 50-60 национальностей – последователи 20-30 религиозных направлений. Полирелигиозность распространяется на те регионы, которые были прежде моно-религиозными, что неизбежно влечет столкновение интересов различных религиозных организаций.

В связи с этим анализ интегрирующих или дезинтегрирующих тенденций в современном российском обществе с учетом роли христианских религиозных институтов выдвигает в качестве ведущей аналитической категории – межрелигиозную конфликтогенность. При этом общероссийские конфликтогенные тенденции пока не имеют религиозной базы, т.к. в их основе лежат острые социальные проблемы, в то время как ни одна из конфессий пока не смогла выразить идею защиты социальной справедливости на языке религиозной доктрины и облечь ее в доступную для масс форму. Следует учитывать также фиксируемый посредством социологических опросов фактор внерелигиозной ориентации устойчивой группы населения постсоветской России (до 50% населения).

Роль и влияние христианского фактора в современной России в первую очередь связаны с религиозной самоидентификацией части населения и уровнем религиозности (т.е. с долей верующих в общем составе населения страны). Однако трудности для их изучения создает то, что религиозный состав населения в XX в. специально изучался только однажды – в ходе переписи населения 1937 г., когда свыше половины населения СССР заявили о своей религиозности. Во Всероссийской переписи населения 2002 г.,

несмотря на предложения ученых Российской академии наук, вопросы о конфессиональной принадлежности отсутствовали. В результате сегодня официальные службы (Министерство юстиции, Госкомстат) не располагают современными, полными и достоверными данными о количестве верующих как по стране в целом, так и по отдельным регионам и религиозным направлениям. При отсутствии статистических данных по индивидуальной религиозной принадлежности исходными материалами для определения численности той или иной конфессии может служить количество зарегистрированных в российских органах юстиции религиозных организаций соответствующего направления и данные социологических опросов.

Основываясь на данных социологических опросов последних лет, несколько российских ученых независимо друг от друга указали на появление качественно нового феномена религиозной жизни России – верующих «нового типа», «новых православных». Попробуем ответить на вопрос: действительно ли в России образовалась новая, отличная от традиционной, православная религиозность (с новой практикой, духовностью, новым церковным устройством и учением) или же укрепился новый образ религии, создаваемый самими учеными? Иными словами, с чем мы имеем дело, говоря о «новых верующих»: с новым явлением в религиозной жизни или с новым стереотипом верующих в академической литературе? Рассмотрим смысл понятия «новые верующие» сначала в рамках западной социологии религии, а затем – в публикациях российских ученых.

Пример сравнительного анализа современной и традиционной форм религиозности – теория приватизации религии Т. Лукмана. Речь идет о смещении чувства трансцендентного из области церковного учения в более приземленные сферы жизни, такие как политика и наука, а также о сведении его к представлениям о независимости личности, правах человека, индивидуальности и самодостаточности. Соответственно, религиозность становится менее ориентированной на церковь и более направленной на земные проблемы общества и человека. П. Бергер подчеркивает не столько мирскую направленность, сколько еретичность современного религиозного мышления. Мир, по его мнению, сделал «гигантский шаг от судьбы к выбору». Религия уже не является фактором, присущим человеку от рождения, но зависит от его личного решения. Момент выбора при этом сопровождается религиозным творчеством, в котором человек самостоятельно создает свою собственную религию из элементов известных ему верований и учений.

В делении на «старое» и «новое» может также присутствовать оценочный момент, оттенок прогресса, переход от «несовременного» к «современному», от «плохого» к «хорошему». «Несовременное» в таком случае ассоциируется с отжившим, уходящим в

прошлом. Это напоминает о кризисе, в котором западное христианство оказалось в эпоху Просвещения, о критике религии со стороны светского общества, сейчас уже не столь актуальной. Однако многие российские ученые продолжают сегодня обсуждать проблемы религии именно в системе понятий идеологии Просвещения. Они ожидают от религии своего рода прогресса и критикуют церковь за его отсутствие. Важным аспектом российской религиозности является тот факт, что она сохранила свою глубинную ортодоксальность, консерватизм, бережное и очень строгое отношение к традиционным ритуальным формам, церковному учению, структуре церковной жизни, этическим и эстетическим представлениям. Православная церковь сохранила статус национальной церкви и сумела оградить свою традицию от влияния сект и ересей.

Чтобы говорить о массовом сдвиге российской религиозности в направлении еретичности и обмирщенности, необходимо, прежде всего, вникнуть в особенности исторического развития России, ее религиозного менталитета. При таком подходе перед отечественными специалистами встает более сложная, чем перед их западными коллегами, задача – не только изучить религиозную ситуацию в свободном от атеизма и оценочности ключе, но и критично осмыслить границы применимости к российской действительности социологических концепций, разработанных в западной науке.

В свою очередь для эффективного исследования динамики этноконфессиональных взаимоотношений в России необходимо очертить круг проблем в религиозной жизни современного российского общества. К основным из них можно отнести *следующие*:

1. Позиция государственных структур по вопросам отношений с религиозными объединениями отличается непоследовательностью и противоречивостью.
2. Стремление значительной части политической элиты превратить православие в суррогат "национальной идеи", призванной заменить ушедшую в прошлое советскую идеологию.
3. Нарастают ксенофобия, национальная и религиозная нетерпимость, грозящая взорвать изнутри хрупкий ещё гражданский мир и согласие, поддерживаемое наиболее дальновидными представителями религиозной элиты.
4. Стремление значительной части епископата РПЦ использовать государство и его структуры для ограничения прав конкурентов - неправославных религиозных объединений и отказа, если не де юре, то де факто, от их равноправия с РПЦ перед законом.

Само наличие таких проблем вполне объяснимо, если принимать во внимание российские традиции и историю. Вместе с тем в обществе есть понимание того, что

религиозные отношения в России нуждаются в обновлении и приспособлении к новым мировым и российским реалиям.

2. Конфессиональное многообразие в современной России

В большинстве регионов Российской Федерации превалирует - по числу направлений, последователей и их религиозных объединений - христианство. В Российской Федерации сейчас действуют более 40 христианских церквей, направлений, деноминаций.

Ведущее место среди них занимает православие в лице Русской православной церкви (15195 религиозных объединений). Православие также представлено 96 религиозными объединениями РПЦЗ, РПСЦ, РПАЦ, ИПЦ, УПЦ и 328 объединениями старообрядцев разных направлений и толков.

4736 зарегистрированных (подчеркнем это, так как, видимо, примерно столько же действующих без регистрации) объединений имеют различные направления протестантизма (в 1992 г. их было 510). 226 религиозных объединений имеется у римско-католической и 4 – у греко-католической церквей. 87 – у Армянской апостольской церкви.

Второе место по числу верующих и пока третье – по количеству общин в России занимает ислам – 4831 религиозных объединений (в 1992 г. было 1216).

Зарегистрировано также 241 буддистских и 259 иудаистских объединений, 77 – Общества сознания Кришны. Остальные 362 зарегистрированных в Минюсте объединения приходятся на 20 малочисленных и маловлиятельных религиозных направлений.

Таков конфессиональный портрет нашей страны за 2013 год по официальной статистике Минюста.

Основные критерии религиозности россиян

Тема религиозности в России довольно политизирована и неоднозначна. Конструируется много различных критериев исчисления принадлежности россиян к определенной религиозной группе. Один из них – *этнический принцип*. Он используется особенно часто религиозными деятелями «традиционных» конфессий и дает наибольшие цифры численности верующих. Согласно такому подходу, основывающемуся преимущественно на данных всероссийской переписи, сейчас в России 120 млн. православных, 14 млн. мусульман, около миллиона буддистов.

Однако из всех существующих подходов большинством исследователей принимаются только два: *критерий религиозной самоидентификации* и *критерий практикующих верующих*.

Критерий религиозной самоидентификации (другое название: "культурная" религиозность). Если человек объявил себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, он вовсе необязательно разделяет её вероучение, участвует в её таинствах и обрядах, является членом религиозной общины. Тем не менее, сам факт утверждения своей принадлежности к определенному религиозному течению, независимо от религиозных убеждений, является важным (или по крайней мере может быть важным) для мировоззрения, нравственной, культурной и политической ориентации гражданина. Человек, называющий себя православным, мусульманином или лютеранином, в каких-бы отношениях он ни был (или не был ни в каких) с соответствующей религиозной общиной и как бы мало он не разделял соответствующее вероучение, вкладывает какой-то смысл в свою самоидентификацию. Соответствующая религия имеет для его сознания особую, по сравнению с другими религиями, ценность.

Итак, самые общие показатели культурной религиозности (т.е. численность людей, считающих себя представителями данного религиозного движения) выглядят следующим образом:

Православных – 75-85 млн.

Католиков – до 1 млн.

Протестантов – 1,5-1,8 млн.

Староверов – менее 1,5 млн.

Христиан всего: 85-95 млн.

Мусульман – 6-9 млн.

Иудаистов – до 50 тыс.

Буддистов – около 550 тыс.

Новых религиозных движений – (авторитарно организованных, так называемых "тоталитарных сект") - не более 300 тыс.

Однако следует иметь в виду, что сама по себе культурная религиозность (религиозная самоидентификация) является определенной мировоззренческой, идеологической позицией, но никак не религиозностью в прямом значении этого слова.

Собственно, уровень религиозности – это численность практикующих верующих. В отношении "этнических религий"- православия, католичества, лютеранства, ислама, иудаизма и буддизма в современных российских условиях вопрос о том, кого считать практикующим верующим (а, следовательно, кого вообще-то считать представителем данного религиозного течения) сложен и отягощен личными пристрастиями того, кто считает. Общие принципы этого подсчета очевидны: к данной религии или конкретной христианской конфессии принадлежит тот, кто разделяет ее вероучение, соблюдает,

предписываемые ей практики. Однако число людей, полностью разделяющих вероучение (и даже жестче – разделяющих вероучительные истины, которые сама данная религия или христианская конфессия считает необходимыми, чтобы к ней принадлежать) и полностью исполняющих требуемые практики (совершение молитвы, участие в богослужении, причастие, исповедь), как показывают и опросы, и опыт священнослужителей, ничтожно мало. Поэтому принципиальным вопросом становится – каков тот минимум соответствия религиозным требованиям, с которого человека можно считать принадлежащим к данному религиозному течению?

Итого практикующих верующих:

РПЦ – 3- 15 млн. чел.

Староверов – 50- 80 тыс. чел.

Католиков – 60 – 200 тыс. чел.

Протестантов – более 1,5 млн. чел.

Иудаистов – 30 тыс. чел.

Мусульман – не более 2,8 млн. чел.

Буддистов – не более 500 тыс. чел.

Авторитарно организованных НРД – не более 300 тыс. чел.

Старообрядчество в России в начале XXI столетия

Статистические сведения о современном старообрядчестве являются недостаточно полными и точными. Значительная часть старообрядческих религиозных объединений действует в виде незарегистрированных религиозных групп, не обладающих правами юридического лица и не учтенных в отчетности Министерства юстиции и в ЕГРЮЛ. В Русской Православной старообрядческой Церкви епархии не регистрируются в качестве централизованных религиозных организаций, на официальном сайте РПСЦ не отражается информация о числе приходов, входящих в каждую епархию. Значительное число консервативных старообрядческих религиозных общин, в особенности беспоповских, считают обращение к иноверным (нестарообрядческим) органам власти для государственной регистрации религиозной организации несовместимым со своими религиозными убеждениями. Деятельность таких религиозных групп в основном сводится к совершению богослужений, таинств и религиозных обрядов.

В то же время активная социальная деятельность и регулярные контакты с органами власти осуществляются по преимуществу зарегистрированными старообрядческими религиозными организациями. Таким образом, несмотря на неполноту, статистика зарегистрированных религиозных организаций достаточно

адекватно отражает численность реально (или потенциально) участвующих в государственно-конфессиональных отношениях.

По состоянию на 1 января 2015 г. по данным Минюста РФ

Русская Православная старообрядческая Церковь – 178 религиозных организаций, включая 1 централизованную, 174 местных, 1 монастырь и 2 религиозных учреждения.

Русская Древлеправославная Церковь – 98 религиозных организаций, включая 3 централизованных, 91 местную, 1 духовную образовательную организацию и 3 монастыря.

Древлеправославная Поморская Церковь – 48 религиозных организаций, включая 2 централизованных, 46 местных. По данным Российского Совета ДПЦ также действует около 150 незарегистрированных религиозных групп, в которых регулярно совершаются богослужения. Насчитывается не менее 100 отдельных (не в жилых помещениях) культовых зданий.

Численность зарегистрированных Минюстом РФ старообрядческих религиозных организаций на протяжении многих лет остается практически неизменной. На 2006 г. РПСЦ насчитывала 155 религиозных организаций, РДЦ – 85 и ДПЦ – 41.

Как и в Русской Православной Церкви, в старообрядческих Церквях нет фиксированного членства (поименного учета участников каждого религиозного объединения). Поэтому оценка численности верующих-старообрядцев сильно зависит от методики подсчета.

Подсчеты, ориентированные на самоидентификацию опрашиваемых в качестве старообрядцев, приводят к оценке численности старообрядцев в Российской Федерации около 0,5% населения, т.е. менее миллиона человек. По данным проекта «АРЕНА» (атлас религий и национальностей) исследовательской службы «Среда» в 2012 г. численность старообрядцев составляла (в % от населения субъекта федерации):

Смоленская область - 2%

Республика Алтай, Республика Марий Эл, Магаданская область, Кировская область, Удмуртская Республика, Москва, Орловская область, Ульяновская область, Калужская область, Республика Мордовия, Ленинградская область, Республика Коми, Псковская область, Ямало-Ненецкий АО, Вологодская область, Пермский край - 1%. В остальных регионах доля старообрядцев незначительна.

Вышеприведенные сведения о регионах распространения старообрядчества основаны на результатах социологических опросов индивидуальных граждан. Эти данные не вполне совпадают с оценками самих старообрядческих Церквей, которые выделяют в качестве регионов со значительным присутствием старообрядчества также те, в которых

действует наибольшее количество религиозных объединений или религиозные объединения со значительным количеством участников.

Численность «практикующих верующих», т.е. лиц, хорошо знакомых с основами вероучения, регулярно посещающих богослужения, соблюдающих религиозные предписания и запреты в повседневной жизни существенно ниже, но достоверных социологических данных о численности «практикующих верующих» не имеется.

Часть старообрядческого населения, проживающего вдали от крупных городов и не имеющая постоянных священнослужителей, сохранила самоидентификацию в качестве «старообрядцев», но утратила четкое осознание своей принадлежности к конкретной старообрядческой Церкви (согласию, толку). Эта часть старообрядцев иногда становится объектом более или менее успешной миссионерской (прозелитической) деятельности со стороны той из старообрядческих Церквей, которая обладает для этого лучшими возможностями в соответствующем регионе. В частности, РДЦ ведет активную миссионерскую работу среди часовенных и спасовцев.

Русская Православная старообрядческая Церковь имеет одиннадцать епархий в Российской Федерации:

Московская,
Донская и Кавказская,
Иркутско-Забайкальская,
Казанская и Вятская,
Нижегородская и Владимирская,
Новосибирская и вся Сибирь,
Самарская и Саратовская,
Санкт-Петербургская и Тверская,
Уральская,
Хабаровская и всего Дальнего Востока,
Ярославская и Костромская.

Епархии возглавляют шесть епископов, пять епархий «вдовствуют», т.е. не имеют собственного епископа и временно управляются Митрополитом Московским и всея Руси.

Также в составе РПСЦ две заграничных епархии: Киевская и всея Украины, Кишиневская и всея Молдавии.

По данным РПСЦ, в мире насчитывается около миллиона старообрядцев, принадлежащих к РПСЦ. Порядка 800 тысяч из них живут в России. Традиционно старообрядческими регионами считаются Поволжье, Центральная Россия, Урал и Сибирь, в меньшей степени Дальний Восток, Кавказ и Дон.

В Украине по данным на 01.01.2013 Русская Православная старообрядческая Церковь насчитывает 58 зарегистрированных религиозных организаций, включая 1 централизованную, 55 местных (в т.ч. 2 в Крыму, 1 в Севастополе – ныне РФ), 2 монастыря. Властями Украины зарегистрировано 30 священнослужителей РПСЦ.

Ввиду малочисленности организаций и верующих РПСЦ в Украине, перед ними практически не встает проблема «двойной лояльности» Московскому Митрополиту как первоиерарху Церкви и Украинскому государству.

В Молдавии имеется 15 приходов РПСЦ и Покровский женский монастырь в с. Кунича Каменского района (в Приднестровской республике).

В Москве действует духовное училище РПСЦ, осуществляющее подготовку священнослужителей. Училище существует 10 лет, но число учащихся невелико, в 2015 г. выпуск составил 8 человек.

При Митрополии действует Церковно-исторический музей.

31 марта 2015 года при участии митрополита Корнилия состоялась первая встреча комиссии Русской Православной старообрядческой Церкви и рабочей группы Московского Патриархата. Встреча стала началом диалога по вопросу о возможности признания Московским Патриархатом канонической законности иерархии Русской Православной старообрядческой Церкви.

Белокриницкая Митрополия (Русская Православная старообрядческая Церковь в Румынии)

По некоторым оценкам, в настоящее время паства Русской Православной старообрядческой Церкви в Румынии составляет порядка 200 тысяч старообрядцев, проживающих в Румынии, и 15 тысяч — во всем остальном мире (США, Канада, Австралия, Европа). Но по данным официальной переписи населения в Румынии в 2011 г. число старообрядцев составило 32 558 чел. (при переписи имеется графа о вероисповедной принадлежности).

Высший орган управления — Освященный Собор Русской Православной старообрядческой Церкви, собирающийся ежегодно с участием священнослужителей, монашествующих и мирян.

В РПСЦ (Р) шесть архиереев во главе с митрополитом Белокриницким Леонтием (Изотом) (с 1996 года).

В юрисдикции РПСЦ(Р) действуют следующие епархии:

Белокриницкая епархия — митрополит Леонтий (Изот)

Браильское викариатство — епископ Геннадий (Тимофеи)

Тульчинская епархия — епископ Паисий (Халким)

Славская епархия — архиепископ Флавиан (Федя)

Буковино-Молдавская епархия — архиепископ Нафанаил (Иким)

Епархия США, Канады и Австралии — епископ Софроний (Липали)

Одной из проблем старообрядцев Румынии является постепенное ослабление знания русского языка среди молодежи, которая в процессе интеграции в румынское общество всё более переходит на румынский язык.

Контакты между иерархами РПСЦ и РПСЦ (Р) носят нерегулярный характер.

Русская Древлеправославная Церковь

Юрисдикция Русской Древлеправославной Церкви распространяется на всю территорию СНГ и на беглопоповские приходы в Румынии (с 1990 г., до этого установлению церковно-иерархических связей препятствовали румынские власти). Численность старообрядцев-последователей РДЦ за пределами Российской Федерации является незначительной.

Приходы Русской Древлеправославной Церкви располагаются в Волжско-Уральском регионе (среди уральского казачества), на бывшей Ветковщине (Брянская область), в Забайкалье, в Бурятии, в Кемеровской и в Курской области.

В последние годы под влиянием критических исторических исследований авторов, принадлежащих к РПСЦ активизировалась дискуссия о законности (каноничности) иерархии ДЦ в связи с недостоверностью и недостаточностью сведений о ней в 1930-е – 1950-е гг. Критики утверждают, что в этот период имели место серьезные нарушения церковных канонов при хиротонии архиереев или хиротония вообще ни чем не подтверждается. Эта полемика имеет значение в основном для взаимоотношений между РПСЦ и ДЦ.

Предстоятель Церкви – Древлеправославный Патриарх Московский и всея Руси. Патриарший титул был утвержден Церковным Собором 3 марта 2002 г. Однако новая редакция Устава церкви, предусматривающая титул Патриарха для ее главы, была не зарегистрирована Минюстом РФ по формальным основаниям. В соответствии с зарегистрированным Уставом, предстоятель именуется «Первоиерархом», титул которого определяется Советом епископов.

Епископат РДЦ:

Древлеправославный Патриарх Московский и всея Руси Александр (Калинин). Епархия Московская объединяет в себе общины и религиозные группы древлеправославных христиан, проживающих в Московской, Брянской, Тульской, Курской, Воронежской, Ленинградской областях, а также в Румынии, Болгарии и странах дальнего зарубежья кроме Святой Земли и стран Западной Европы.

Епископ Сибирский Сергей. Епархия Сибирская объединяет в себе общины и религиозные группы древлеправославных христиан, проживающих в Сибири, Восточном Казахстане, Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Епископ Нижневолжский Савин. Епархия Нижневолжская объединяет в себе общины и религиозные группы древлеправославных христиан, проживающих в Самарской, Ульяновской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областях.

Епископ Верхневолжский Василий. Епархия Верхневолжская объединяет в себе общины и религиозные группы древлеправославных христиан, проживающих в Керженском благочинье (Нижегородская область), Чувашии, Татарстане и Республике Марий-Эл.

Епархии Уральская (объединяет в себе общины и религиозные группы древлеправославных христиан, проживающих в Пермской, Свердловской, Оренбургской областях, а также в Башкирии и Западном Казахстане) и Азовско-Черноморская (объединяет в себе общины и религиозные группы древлеправославных христиан, проживающих на территории Грузии, Северного Кавказа и Краснодарского края) вдовствуют.

За рубежом:

Епископ Украинский Никола. Епархия Украинская объединяет в себе общины и религиозные группы древлеправославных христиан, проживающих на Украине (их общая численность не свыше 5 общин, не зарегистрированы).

Епископ Сионский и всея Западной Европы Иаков. Епархия Сионская и Западноевропейская объединяет в себе общины и религиозные группы древлеправославных христиан, проживающих на Святой Земле и в странах Западной Европы (одна община в Иерусалиме и одна в Венгрии).

В Белоруссии имеется 2 общины РДЦ.

Имеется три монастыря:

- Свято-Троицкий общежительный мужской монастырь РДЦ в поселке Каменка Злынского района Брянской области,
- Ильинский женский монастырь в Самаре,
- Малиновский женский монастырь, Нижегородская обл., Борский район, с. Филипповское.

Древлеправославная Поморская Церковь

В Российской Федерации управляется Российским Советом ДПЦ, председатель - Олег Иванович Розанов (СПб). За пределами России существует шесть поместных объединений ДПЦ: Центральный Совет ДПЦ Латвии, Высший Совет ДПЦ Литвы,

Центральный Совет ДПЦ в Республике Беларусь, Центральный Совет ДПЦ Украины, Союз старообрядческих общин Эстонии, Высший Совет ДПЦ Польши.

Координационный орган — Единый Совет ДПЦ, созданный в 2001 году в Санкт-Петербурге, объединяет духовные центры и отдельные общины на территории различных государств. Председатель Единого Совета — О.И. Розанов.

Старообрядцы, принадлежащие к ДПЦ, в заметных количествах проживают в Республике Коми, в Удмуртии, в Ненецком автономном округе, в Самарской, Белгородской, Кемеровской, Нижегородской, Ульяновской областях, в Алтайском крае.

В Древлеправославной Поморской Церкви действует два духовных училища (в Риге и Санкт-Петербурге).

В Украине по официальным данным на 01.01.2013 — 11 зарегистрированных местных религиозных организаций и 2 незарегистрированных религиозных организации. Сами представители ДПЦ называют цифру в 35 общин, учитывая незарегистрированные общины, имеющие молитвенное здание или в которых регулярные богослужения, совершаются устойчивой группой в жилом помещении.

Латвия (2007 г.) — 69 общин, около 70 000 верующих, в основном в Латгалии.

Литва — 60 общин, 23 300 верующих по данным переписи 2011 г.

Белоруссия — 37 общин, до 50 000 верующих.

Эстония — 11 общин, 2605 верующих по данным переписи 2011 г. (возможно, речь идет о списочном составе членов общин).

Польша — 4 общины, не более 500 верующих. ДПЦ Польши имеет правовой статус признанной религиозной организации (Указ Президента Республики от 22 марта 1928 г.).

Казахстан — 10 общин. Тенденция к эмиграции в Россию.

Проблемы координации деятельности старообрядческих Церквей

Взаимоотношения старообрядческих Церквей осложняются непризнанием каноничности церковного устройства друг друга и случаями прозелитизма. Тем не менее, руководство РПсЦ, РДЦ и ДПЦ сходятся в признании желательности создания общестарообрядческого координационного органа. Такой орган сможет вырабатывать и представлять совместную позицию старообрядческих Церквей в их отношениях с государством по следующим направлениям:

- обсуждение законопроектов, затрагивающих свободу вероисповедания и положение религиозных объединений;
- поддержание контактов и сотрудничества со старообрядцами за рубежом;
- охрана, реставрация, содержание старообрядческих объектов культурного наследия;

- передача старообрядческим религиозным организациям имущества религиозного назначения;
- культурно-просветительская работа по сохранению и популяризации исторического наследия старообрядчества, русских народных традиций.

В 2015 г. началась работа по созданию структуры, призванной выполнять координацию деятельности старообрядчества в форме общественного объединения под рабочим названием «Всероссийское старообрядческое движение». Проект получил одобрение церковного руководства РПЦ и ДПЦ и старообрядческой общественности.

Новые религиозные движения: бытие и перспективы развития в России

Понятием «новые религиозные движения» (далее – НРД), так же, как и «нетрадиционные религии» определяются религиозные объединения, представленные на территории России верующими первого поколения.

С 1990 по 2013 год количество представленных в нашей стране конфессиональных разновидностей выросло с 16 до 69. При этом большая часть из названного числа - новые религиозные движения. В равной степени к указанным могут быть отнесены и отечественные и зарубежные религии. Среди зарубежных наиболее заметными в религиозном пространстве являются Международное общество сознания Кришны, Свидетели Иеговы, Саентология, Мормоны, Церковь Христа. Из религиозных отечественных новообразований самыми многочисленными являются Церковь Последнего Завета (Виссарионовцы), движение «Анастасия», действующее как общественная организация, Церковь Божьей Матери Державная (Богородичники), многочисленные неоязыческие группы.

Кроме названных религиозных организаций существует огромное количество групп, с некоторыми признаками религиозной направленности. Это одна из характерных особенностей нью-эйджеских движений, затрудняющих их религиозную идентификацию.

Пик роста НРД в России пришелся на 1993-1996 годы – период глубоких социальных потрясений, экономической разрухи, политической нестабильности, коррупции, разгула преступности.

Как отмечается большинством религиоведов на основании документального анализа официальных и неофициальных данных, общее количество последователей НРД в России не превышает 0,5 % населения. Число разновидностей устойчивых НРД в России составляет примерно 75 (зарегистрированных и незарегистрированных), каждое из которых имеет от 45-и до 60 реально действующих филиалов. Средняя численность адептов в каждом из них колеблется в диапазоне от 15 до 200 человек. Таким образом,

совокупное число последователей НРД в России, возможно, составляет от 200 до 300 тысяч постоянных членов. Интересен возрастной и образовательный статус последователей НРД в России. Подавляющее большинство – молодежь в возрасте до 30 лет, из которых 30-40% имеют высшее образование. В основном это представители славянских этносов, в прошлом неверующие, либо вышедшие из православной традиции люди.

Отметим, что мнение о том, что НРД в России не имеют перспектив широкого распространения, то есть не имеют массовой базы, нельзя считать бесспорным. Такие известные специалисты как И. Кантеров и М. Штерин считают, что: а) большинство членов выходит из общины в течение первого года, б) те, кто остаются, взрослеют, у них меняются жизненные установки, следовательно, активного роста и распространения НРД не стоит ожидать.

Многое зависит от характера предпринимательской деятельности и финансово-экономической поддержки со стороны материнских организаций из-за рубежа, а также от доктринальных установок, которые, как показывает практика, могут меняться.

В некоторых организациях наблюдается постепенное смягчение радикализма, крайних форм верований и практики, становится меньше апокалиптичности, изоляционизм уступает желанию адаптироваться в социуме. У Белого братства, Церкви Последнего Завета отменен конец света, у Кришнаитов в 1991 г.—всего 5% женатых, к концу 2000г. – около 50%.

Следует также отметить тот факт, что многие из пришедших в Россию в начале 90-х гг. зарубежных неорелигиозных корпораций не смогли по-настоящему укорениться и сегодня находятся в состоянии стагнации или даже постепенного сокращения.

Группы последователей веры Бахаи постепенно превратились в достаточно небольшие по численности (20-30 человек) компании старых друзей и начали постепенно уменьшаться. Так, по данным Национального духовного собрания ежегодный отток активных верующих последние два-три года составил порядка 4%. Остановился рост численности последователей движения Трансцендентальной Медитации, приверженцев Ошо Раджнеша, и т.п. Причину этого можно объяснить тем, что абстрактно-мистический характер учений, требование определенных дисциплинарных рамок не смогли на длительный срок удовлетворить потребности отечественных искателей истины. Более успешными конкурентами оказываются те организации, в которых гибкая работа с каждым верующим персонально ведется армией хорошо подготовленных профессионалов. При этом одним из центральных моментов успеха таких объединений являются хорошо выстроенные организационные рамки, где каждый имеет свое

«задание», «фронт работы», чувствует себя востребованным, постоянно вовлеченным в деятельность. Иными словами, российского неопита привлекает возможность активного, включенного участия в социально-полезную, социально-значимую деятельность. Такие «работающие программы» можно обнаружить у особо преуспевающих сегодня неопротестантских объединений – мормонов и кришнаитов. Их практики предполагают личностное самосовершенствование (отказ от алкоголя, наркотиков, внебрачного секса), организацию концертов, совместных походов, поездок на конференции, предметную взаимопомощь, перспективы зарубежных выездов, возможности получения дополнительного образования. Все это имеет спрос. Одним из самых важных факторов их успешности является также наличие постоянно действующих, «внешних социальных программ»: помощь приютам, детским домам, домам престарелых, бездомным, беспризорным детям и т.д. Чувство собственной сопричастности, предметного альтруизма, проявленного совместно с «сильными и вдохновляющими» единомышленниками сегодня весьма востребовано. Можно предположить, что те организации, в которых есть названные компоненты, в перспективе будут безусловными лидерами по части роста численности своих последователей.

Этнорелигиозные проблемы на Северном Кавказе: предпосылки, динамика, перспективы разрешения

Особенностью Кавказа является своеобразная изолированность кавказских независимых государств и российских республик, что обусловлено отсутствием международных контактных узлов, где сходились бы границы нескольких государств, затрудненностью связи данных политических субъектов с внешним миром и между собой, сильной экономической, политической и военно-стратегической зависимостью от транзита через территории соседних стран.

Кавказ - это традиционное общество, т.е. общество, которое живет по законам Шариата или горским Адатам.

Кавказ отличается своей мозаичностью. На Кавказе либеральные ценности оборачиваются бандитизмом, трайбализмом и коррупцией. Как написал великий русский поэт А. Блок: «Имеет место победа сильных, гибель слабых». Но на Северном Кавказе слабых нет. На действие сильных слабые берутся за оружие и сопротивляются тем, кто вынуждает их стать серой массой потребителей, которая условно называется либеральным обществом. Они хотят сохранить свою культуру, традиции, религию и этническую принадлежность к народам Кавказа: осетинам, чеченцам, балкарцам, черкесам, кабардинцам, ингушам и т.д.

Северный Кавказ - самый сложный регион с точки зрения социально-

экономической ситуации, государственного управления и обеспечения национальной безопасности России. Здесь присутствует реальная угроза национальной безопасности Российской Федерации, ее целостности и суверенитету. Здесь радикальный этнический национализм и экстремизм в религиозной сфере обрели насильственные и варварские формы, бросив вызов не только государству, но и общественным устоям местного населения.

Во-первых, являясь одной из важных категорий политологии, экстремизм представляет собой общественное явление, сущность которого состоит в радикальной деятельности субъектов социальной деятельности, субъектов социальных отношений, основанной на приверженности к гипертрофированию, крайним оценкам условий, в которых эта деятельность происходит. Как правило, такой экстремизм не идет на уступки противной стороне, не применяет тактику диалога. Следовательно, говорить об экстремизме применительно к религиозным объединениям можно тогда, когда их деятельность проявляется в форме противоправных экстремистских действий, а именно направлена на:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- подрыв безопасности Российской Федерации;
- захват или присвоение властных полномочий;
- создание незаконных вооруженных формирований;
- осуществление террористической деятельности;
- возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, и т.д.

Во-вторых, экстремистская деятельность религиозных объединений представляет собой единство и противоречивость общего и особенного, сущностного и несущностного, главного и второстепенного, устойчивого и изменчивого, внутреннего и внешнего. Поэтому возникает важная методологическая проблема структуризации экстремизма в религиозной сфере и, прежде всего на основе их классификации.

В-третьих, экстремизм в религиозной сфере проявляется, прежде всего, в странах с исторически сложившимися религиозными традициями и практикой как ответная реакция на нововведения. Источником экстремизма в религиозной сфере часто выступает проблема, порожденная фанатичным религиозным обществом - это ложное представление о том, что там, где есть религия, человеку не нужен разум.

В-четвертых, религиозное сознание все активнее участвует в формировании субъективных, ценностно-мотивационных, эмоционально-психологических предпосылок экстремистского поведения, что предполагает изучение религиозной ситуации.

В-пятых, экстремистская деятельность религиозных объединений на Северном Кавказе угрожает конституционному строю, территориальной целостности, всей системе безопасности региона и страны в целом¹.

В последние десятилетия на Северном Кавказе получили распространение этнополитические конфликты². Содержательный анализ этих конфликтов в пределах РФ позволяет сгруппировать их в три основных типа:

I тип - конфликты, в которых доминирующую роль играют территориальные притязания. Они касаются соседствующих народов и этнических групп и могут приобретать весьма острый характер. Яркий пример конфликта такого типа - осетино-ингушский.

II тип - конфликты сепаратистского типа, в которых ставится вопрос о выходе из России и полной государственной самостоятельности. Здесь наиболее ярким примером является чеченский кризис.

III тип - статусные конфликты, в основе которых лежат требования о расширении административно-управленческих полномочий в соответствующем регионе. На протяжении конца 80-х годов вплоть до принятия новой Конституции РФ (1993 г.) почти все регионы боролись за повышение статуса: автономные области стремились превратиться в республики, республики декларировали свой суверенитет и независимость.

Конфликт сам по себе возникает и функционирует в определенной социально-политической среде. Она включает в себя тот потенциал, который дает возможность противоречию, возникшему в обществе, либо в самой политической системе, найти свой выход в возникновении и развитии конфликта с возможным его перерастанием в кризисную ситуацию, как отдельных структурных элементов социально-политической системы, так и всей системы в целом³.

В социально-экономическом развитии республик Северного Кавказа одной из проблем является занятость экономически активного населения, что приводит к наличию безработицы особенно среди молодежи (таблица 1). Недостаточное социально-экономическое развитие регионов Северного Кавказа, особенно инфраструктуры сельской местности, ведет к вовлечению молодежи в различные религиозные экстремистские организации.

¹ Позмогов А.И., Бекойты А.Г. Возможности социально-экономического развития Чеченской Республики // Инновационная экономика и промышленная политика региона (ЭКОПРОМ-2012): Материалы X-й Международной научно-практической конференции 24 сент.–3 окт. 2012 г. - СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 347

² Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. - М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 75

³ Дружинин В.В., Конторов М.Д., Конторов Д.С. Введение в теорию конфликта. М.: Радио и связь, 1989. С. 38

С проблемой ухода молодежи в лес успешно справляется Чеченская республика, решая эти задачи на уровне духовенства. В последнее время мы видим, что чеченская молодежь вышла на мировую арену спорта, где достойно показывает свою силу и патриотическое воспитание⁴.

Таблица 1 - Численность экономически активного населения, занятых и безработных (тысяч человек)

Показатели/годы	2010	2011	2012	2013
1	2	3	4	5
Численность экономически активного населения) – всего	378,5	358,0	352,0	345,0
мужчины	181,0	174,7	172,0	169,0
женщины	197,5	183,3	180,0	176,0
в том числе:				
занятые в экономике – всего	341,7	328,5	324,0	317,0
мужчины	163,4	158,4	160,0	157,0
женщины	178,3	169,1	164,0	160,0
безработные – всего	36,8	29,5	28,0	28,0
мужчины	17,7	15,3	12,0	11,0
женщины	19,1	14,2	16,0	17,0
Численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости (на конец года)2) – всего	12,8	10,1	9,3	11,0
мужчины	5,0	3,8	3,4	3,9
женщины	7,8	6,3	5,9	7,1
из них безработные, которым назначено пособие по безработице – всего	11,1	8,0	7,5	9,5
мужчины	4,3	2,8	2,7	3,4
женщины	6,8	5,2	4,8	6,1

Источник: 1) Данные приведены по материалам выборочных обследований населения по проблемам занятости 2010-2013 гг. в среднем за год.

2) Данные Комитета по занятости РСО-Алания.

⁴ Нансо Д.А. Современный быт и культура народов Кавказа. – Ставрополь, 1998. С. 18

Российский Северный Кавказ представляет собой один из наиболее проблемных и уязвимых регионов страны. Именно оттуда исходит наибольшее количество этноконфессиональных вызовов. На Северном Кавказе как нигде больше в России за последние два десятилетия резко проявилось социальное расслоение полиэтнического социума на фоне экономического упадка, резко снизившейся управляемости обществом, массовой безработицы, тотальной коррупции и криминализации хозяйственной деятельности.

Показатели экономического развития регионов Северного Кавказа – самые низкие по России (с исключением для некоторых видов сельскохозяйственной продукции). Основу благосостояния здесь создает теневая экономика вкупе с нецелевым расходованием федеральных дотаций. Механизм этого экономического паразитирования Северного Кавказа на остальной России, сложившийся в последние 20 лет благодаря прежде всего политическим факторам, будет рассмотрен в дальнейшем.

После распада СССР власти суверенной РФ стали опираться в каждой республике Северного Кавказа на один из местных кланов, принадлежащих к титульному этносу, предоставили ему контроль за крупными федеральными дотациями и широкие полномочия во внутренней политике, закрыли глаза на его многочисленные нарушения законов и коррупционные проделки. Все это было дано в обмен на демонстрацию республикой внешней лояльности по отношению к Москве и поддержку существующей федеральной элиты на выборах.

В результате Кавказ захлестнула волна коррупции, чиновничьего всевластия и вопиющего социального неравенства. Все это вынуждало людей искать новые способы существования и новую опору в жизни, включая новую самоидентификацию, инструменты регулирования общества и т.д. В этих условиях закономерными стали попытки многих кавказских народностей найти себя в этничности, клановости, религии и архаичных инструментах саморегуляции. Это повлекло за собой культурный регресс, распространение агрессивных идеологических концепций националистического и религиозного толка, потерю Россией роли морального лидера и арбитра.

Наибольшую опасность со стороны Северного Кавказа для России представляют угрозы этнорелигиозного характера. В начале 1990-х годов здесь произошли два вооруженных конфликта (из восьми на территории бывшего Советского Союза): осетино-ингушский (октябрь-ноябрь 1992 года) и российско-чеченский (1994–1996 и 1999–2001 годы, сопровождаемый внутричеченскими столкновениями на протяжении всего постсоветского периода). Несмотря на «заморозку» двух открытых конфликтов, политическое их решение на сегодняшний день не найдено.

Что же касается Чеченской Республики, то, с одной стороны, вопрос о ее выходе из состава РФ не является сегодня актуальным, с другой – региональная элита согласилась на сохранение Чечни в составе России, но на привилегированных условиях (фактическая самостоятельность руководства республики, в том числе местных силовых структур, беспрецедентная финансовая поддержка со стороны федерального Центра и т.д.), которых лишены другие регионы РФ. Несмотря на явные позитивные изменения по восстановлению хозяйства в Чечне, следует отметить, что федеральные дотации в этом регионе в подавляющем количестве случаев идут не на создание производительной экономики, а на строительство инфраструктуры, в том числе и с элементами непозволительной роскоши. Это приводит к тому, что республика все больше начинает зависеть от федерального бюджета, не стремясь зарабатывать деньги самостоятельно.

По сути, с федеральных силовых структур была снята ответственность за окончательный разгром боевиков. Тем не менее даже после отмены режима КТО в Чечне продолжается диверсионно-террористическая активность (в 2012 году ее жертвами стали 174 человека, 82 из которых были убиты), а республиканская власть, противодействуя этому движению, в то же время наращивает объемы собственных полномочий и притязаний. Так, 16 апреля 2009 года в Грозном открылся международный аэропорт (с таможней). В 2012 году Рамзан Кадыров интенсифицировал территориальные претензии к соседней Ингушетии (Сунженский район), что выразилось в принятии поправок в закон о данном муниципальном образовании и серии конфликтов с главой Ингушетии Юнус-Бекком Евкуровым.

Помимо актуализированных (открытых) конфликтов на Северном Кавказе развиваются латентные (скрытые) конфликты. Между кабардинцами и балкарцами в Кабардино-Балкарии, карачаевцами и черкесами в Карачаево-Черкесии, аварцами и чеченцами-аккинцами, кумыками и даргинцами в Дагестане, различными этническими группами на Кубани и в Ставрополье отношения не единожды обострялись, не достигая, правда, уровня вооруженного противостояния.

Большая часть конфликтов на Северном Кавказе тесно связана с конфликтами в Закавказье, и наоборот. Правомерно говорить о феномене «связанных конфликтов», решить которые можно только в комплексе.

Одним из ярких примеров этому является «осетинская проблема». Грузино-осетинский конфликт вылился в масштабное вооруженное столкновение в январе 1991 –

июле 1992 года. Он оказал существенное воздействие на ход и результаты осетино-ингушского конфликта.

Грузино-абхазский конфликт способствовал консолидации адыгских этнонациональных движений («черкесского мира») в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, а также активизации Конфедерации горских народов Кавказа. Перечисленные республики и организация сыграли значительную роль в грузино-абхазском конфликте 1992–1993 годов. Стремление Грузии в 2011–2012 годах разыграть карту «черкесского геноцида» во многом вызвано стремлением вбить клин между Абхазией и адыгским национальным движением Северного Кавказа.

Выдавливание из Грузии кварельских аварцев в начале 1990-х годов привело к завязыванию конфликтного узла на севере Дагестана. Переселяющиеся в Кизлярский и Тарумовский районы Дагестана аварцы (представляющие горский хозяйственно-культурный тип) вступили в конфликт с русскими и ногайцами (представителями равнинного хозяйственно-культурного типа). Как следствие, отток русского населения из северных районов Дагестана. Проблемы этнонационального развития дагестанских народов Азербайджана (лезгины, аварцы) находятся в сфере пристального внимания как властной элиты Дагестана, так и общественно-политических движений различных этнических групп этой республики. Демаркация и делимитация российско-азербайджанской границы (2010 год), в результате которой под юрисдикцию Баку попали два российских анклава с лезгинским населением (Храх-Уба и Урьян-Уба), вызвала новую дискуссию вокруг «лезгинского вопроса».

«Пятидневная война» в Южной Осетии в августе 2008 года снова подняла политическую роль северокавказских республик. В военных действиях против Грузии принимал участие батальон «Восток» (составленный из этнических чеченцев). Представители этнических движений Северной Осетии и Кабардино-Балкарии выразили готовность отправить добровольцев в зону конфликта. Тем самым были снова продемонстрированы возможности для мобилизации населения под лозунгом «защиты братьев» абхазов и осетин. В то же время Ингушетия (из-за осетино-ингушского конфликта) стала единственной республикой России, отказавшейся принимать беженцев из Южной Осетии.

Подчеркнем, что полноценная интеграция Северного Кавказа в российское государство имеет ключевое значение для безопасности и здоровых межнациональных отношений в стране. Распространение конфликта из Чечни в соседние регионы, большое

число жертв среди гражданского населения, военнослужащих и боевиков, а также резкое обострение межнациональных отношений по всей стране – все это указывает на то, что Москве необходимо найти новые, более эффективные подходы к устранению основных причин вооруженного конфликта.

В Чечне, несмотря на внушительные успехи в послевоенном восстановлении, по-прежнему очень остро стоят проблемы создания прозрачной системы государственного управления, политического плюрализма, обеспечения верховенства права и соблюдения прав женщин. Контроль за расходованием средств, выделенных на восстановление городов, объектов инфраструктуры и в целом хозяйства республики имеет решающее значение для недопущения дальнейшего роста напряженности в отношениях между северокавказцами и русскими националистами, возмущающимися тем, насколько непрозрачно, по их мнению, тратятся крупномасштабные вливания в чеченскую экономику.

По всему Северному Кавказу неразрешенные межэтнические конфликты и трения, территориальные и земельные споры, оставшиеся без ответа старые и новые чаяния и требования, артикулируемые национальными движениями, создают благодатную почву для религиозного радикализма и подпитывают подполье. В настоящем докладе содержится краткий анализ основных проблем, связанных с многообразием и полиэтничностью. Их решение позволит устранить многие первопричины сегодняшнего вооруженного конфликта. Для формирования новой национальной политики в регионе необходимо провести тщательное исследование существующих межэтнических противоречий, основанное на полевой работе в регионе. Государство должно осуществлять постоянный мониторинг очагов напряженности, обеспечивать равный доступ к власти, трудоустройству, в том числе в местных правоохранительных органах, особенно в нестабильных, этнически смешанных районах.

Трудно сказать, можно ли переломить разрушительный сценарий (вероятно, это потребовало бы более радикальных мер, чем те, что представляются возможными сегодня). Однако его реализацию вполне можно замедлить. В этом контексте основными представляются следующие принципиальные задачи:

- деприватизация власти, сосредоточенной в руках региональных политико-финансовых кланов, наращивание российского федерального присутствия в регионе на основе не только жесткой, но и мягкой силы;

- формирование новой региональной элиты, не связанной советским и постсоветским кланово-этнократическим опытом, поиск и поддержка альтернативных (существующему руководству) лидеров;

- деэтнизация политики, преодоление регионального апартеида, насаждение российской гражданско-политической идентичности в национально-территориальных образованиях;

- реальная борьба с коррупцией, обеспечение безусловного соблюдения законности РФ на территории Северного Кавказа и искоренение касты «неприкасаемых»;

- минимизация исламистской угрозы (при том, что сегодня радикальный исламизм является главным антигосударственным протестным мобилизующим идеологическим ресурсом);

- обеспечение лояльности среди представителей так называемого неофициального ислама (критикующего республиканское духовенство, но не вступающего на путь диверсионно-террористической борьбы и экстремистской антигосударственной пропаганды);

- формирование нового статус-кво в Закавказье на выгодных для России условиях.

Сегодня российский Северный Кавказ во многом повторяет опыт Ближнего Востока, Северной Африки, стран Центральной Азии, где этнический национализм отступает перед агрессивной исламистской пропагандой, использующей идеи социальной справедливости и наднациональные ценности и лозунги. В этой связи первостепенной задачей является понимание того, кто может стать основным союзником государства в решении этой проблемы «на местах». Сегодня российское федеральное присутствие ориентируется по большей части либо на силовые структуры и спецслужбы, либо на бюрократические аппараты. У федерального Центра нет серьезной низовой поддержки в виде гражданских неправительственных структур, и условно говоря, «агентов гражданской нации», заинтересованных в преодолении существующего местничества в сфере управления и монополизма в экономической сфере.

Успешная деприватизация власти в республиках Северного Кавказа возможна только при одновременном давлении на кланово-олигархические режимы (которые своей деятельностью провоцируют и этнический, и религиозный экстремизм) сверху (то есть непосредственно из федерального Центра) и снизу (посредством усиления гражданских структур, ориентированных на усиление общероссийского присутствия). Для

противодействия новым северокавказским феодалам недостаточно одних режимов КТО или введения дополнительных военных сил. Нужны гражданские агенты общероссийского влияния (в том числе из рядов недовольных региональной коррупцией, пострадавших журналистов, правозащитников и предпринимателей, готовых рассматривать федеральный Центр как гарант их общественной и экономической деятельности).

При этом поддержка гражданского общества и СМИ на Северном Кавказе должна носить адресный характер. Поэтому следует отказаться от порочной практики опоры на совершенно негодные инструменты, такие как национально-культурные автономии, поскольку эти структуры, как правило, педалируют архаические представления об этничности, не ориентированы на модернизацию страны, заинтересованы в региональном апартеиде. Адресная поддержка изданий и гражданских проектов должна осуществляться при одном принципиальнейшем условии – поддержке ими приоритетов российской государственной общности и единого правового поля поверх этнорегиональных границ.

Если на сегодняшний день экстремистские структуры сильны своими сетями, государство должно противопоставить им гражданские сети. К таковым можно отнести региональные СМИ, общероссийские социально-политические структуры в регионах, бизнес, поддерживаемый из Москвы и нацеленный на монополизацию кланово-олигархического бизнеса республик, образовательные проекты, особенно в гуманитарной сфере.

Эти региональные «гражданские сети» могли бы снизу поддерживать модернизационные импульсы российского государства, при этом:

- во-первых, корректируя возможные ошибки государственных институтов;
- во-вторых, выступая поставщиками альтернативной социально значимой информации;
- в-третьих (и это, пожалуй, самое главное), становясь кадровым резервом для новой северокавказской элиты (нынешняя региональная элита не заинтересована в глубокой модернизации региона, ей необходимы архаичные управленческие практики).

Таким образом, деприватизация власти на Северном Кавказе теснейшим образом связана с проблемой кадрового обновления. Очевидно, что обеспечить управление регионом, привлекая кадры только из центра, невозможно. В этой связи необходимы срочные меры по формированию новой кадровой элиты региона, ориентированной не

просто на нового «сеньора» и новые патронно-клиентские связи, а на ценности правового и светского государства, и имеющей выраженную общероссийскую лояльность.

Официальное исламское духовенство республик не может рассматриваться как вполне надежный инструмент российской политики. Оно является частью кланово-олигархических группировок (это их идейно-политический аппарат), занятых приватизацией власти. Эта группа заинтересована в сохранении местничества, регионального апартеида, закрытости власти, ксенофобии, а не модернизации общественных отношений. В этой ситуации резервом для нормализации обстановки могут стать и так называемые неофициальные мусульмане – те, кто занимает неконформистскую позицию по отношению к официальному духовенству, но не связал себя с ваххабитским подпольем. Их идеологическая база – лозунги социальной справедливости, неприятие коррупции и кумовства, отказ от жесткой этнизации общественных отношений – может быть перехвачена российской властью.

Но задача государства, подчеркнем, совсем не в том, чтобы переключить внимание и поддержку с «официального» ислама на «неофициальный», а в том, чтобы доказать: оплотом российского присутствия в регионе являются не те или иные группы и направления в исламе, а сами государственные институты, обеспечивающие запрос на правопорядок и справедливость.

Выполнение этой задачи позволит минимизировать предпосылки экстремистской и террористической антигосударственной активности, поскольку сама эта активность по сути своей является радикальной реакцией на приватизацию власти, коррупцию, сращивание власти и бизнеса, монополизацию экономических ресурсов, закрытость от критики и несправедливость в правоохранительных структурах и судах. Купирование этих социальных болезней сделает экстремальные политические лозунги менее востребованными.

На политическую конфигурацию на Северном Кавказе непосредственным образом оказывают влияние события в Закавказье. Актуальной задачей становится обеспечение высоких стандартов безопасности и экономического развития Абхазии и Южной Осетии для доказательства правильности их геополитического выбора, который не может быть гарантирован вечно. Обеспечение более высокого уровня безопасности неизбежно приведет к усложнению внутривнутриполитической повестки дня (появление оппозиции и прочее). Все это требует от российской власти более тонких подходов с использованием по преимуществу мягкой, а не жесткой силы. Российской власти следует отказаться от

эксклюзивной поддержки действующих лидеров (особенно это относится к Южной Осетии) при условии сохранения пророссийского вектора местных политиков (вектор важнее, чем личность). Во-первых, у действующих лидеров не должно создаваться иллюзий относительно их возможности управлять действиями России (оппозиция в этом плане является противовесом). Во-вторых, с помощью политической конкуренции у РФ всегда будет возможность получать более адекватную политическую картину из Абхазии и Южной Осетии.

Пора обратить внимание и на северокавказские диаспоральные организации в российских регионах. Будучи признанными и получая поддержку со стороны региональных, а то и федеральных властей, эти организации зачастую бездействуют, когда их земляки творят в российских городах беззакония и притесняют иных граждан, вступая в дело, лишь когда ситуация накаляется и соплеменники могут пострадать.

Практика показывает, что подобное поведение диаспоральных организаций приводит некоторых выходцев с Кавказа к уверенности в своей безнаказанности.

Следует перенимать опыт некоторых развитых стран, в которых государство поддерживает лишь те диаспоральные организации, которые не только демонстрируют желание защитить своих земляков, но могут обеспечить их лояльность и законопослушание в месте пребывания.

Кавказ должен рассматриваться как приоритетное направление внешней и внутренней политики России, т.к. он является ключевой стратегической территорией для обеспечения национальной безопасности России на южных рубежах, и для проведения последовательной международной политики в Ближневосточном и Среднеазиатском регионах. Поэтому геополитическое положение Кавказа - это не только южный рубеж России (оборонная область), но и самостоятельная зона распространения российского влияния в мире (область влияния).

Исследуя приоритетные направления геополитики России на Северном Кавказе надо учитывать существующие тенденции, исторические прецеденты, потенциальные модели развития этноконфессиональных структур Кавказа. Для этого необходимо на основе геополитической методологии проанализировать разнообразную информацию этнополитического, конфликтологического, религиоведческого толка, проанализировать органическую, социальную, культурную, этноконфессиональную и криминальную связь народностей, населяющих Кавказа, с жизнью и функционированием диаспор, находящихся как на территории России, так и за ее пределами. В этой перспективе

необходимо разработать карту диаспор, которые этнически принадлежат к символическому пространству кавказской геополитики. Особое значение следует уделить изучению структуры религиозного опыта кавказских народов, диалектики соотношения экзотерических догм и эзотерических культов (тарикаты, вирды, духовные школы), а также изучению родоплеменной структуризации с учетом клановых, тейповых и иных особенностей⁵.

В первую очередь мы должны создать благоприятные условия для обеспечения занятости, для того, чтобы каждый мог заработать честным трудом, имел возможность приобрести или построить жилье, получить качественное образование и медицинское обслуживание, другие социальные услуги, гарантированные государством. Если не сосредоточить внимание на этих и других жизненно важных вопросах, которые больше всего волнуют людей, все наши усилия, направленные на борьбу с экстремизмом, оздоровление общественно-политической обстановки, не дадут ожидаемого результата. В полную силу необходимо задействовать потенциал средств массовой информации, наших высших и средних учебных заведений, научной и творческой интеллигенции, институтов гражданского общества, религиозных организаций, опыт старшего поколения дагестанцев, участников Великой Отечественной войны, ветеранов труда.

На наш взгляд, в условиях Северного Кавказа к числу таких наиболее эффективных мер относятся:

1. Расширение взаимодействия государственных органов власти и религиозных объединений северокавказских субъектов Федерации по всем направлениям сотрудничества, в первую очередь в активизации борьбы с проявлениями религиозно-политического экстремизма и терроризма, борьбе с преступностью, в духовно-нравственном оздоровлении Северокавказского общества.

2. Особое внимание муниципальные органы власти должны уделять воспитанию населения в духе национальной и религиозной терпимости, непринятия идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма.

3. Главный упор в стратегии противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму следует делать на улучшении социально-экономической ситуации в регионе, так как это способствует урегулированию социально-политических конфликтов и существенно сужает социальную базу религиозно-политических экстремистов и террористов.

⁵ Позмогов А.И., Бекойты А.Г. Религиозный экстремизм и социально-экономическая ситуация на Северном Кавказе/Молодежь за патриотизм и межнациональное согласие // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Хасавюрт, 15-16 ноября 2012 г. – М: Парнас, 2012. С. 59

4. Принятие решительных мер по перекрытию каналов финансирования экстремистов и террористов из-за рубежа, а также из местных источников.

5. Совершенствование правовой базы, укрепление и совершенствование деятельности силовых структур и специальных служб для блокирования терроризма, как уголовного проявления.

6. Активизация идеологической работы в республиках Северного Кавказа.

7. Укрепление международных аспектов этноконфессиональной политики РФ на Кавказе, принятие энергичных мер, препятствующих использованию Северного Кавказа в качестве «перевалочной базы» для распространения различных экстремистских течений ислама, питающих сепаратизм, терроризм.

8. Требуется комплексный подход к осуществлению противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму, при котором предусматривались бы меры не только регулирующего и запретительного, но и профилактического характера.

Нельзя допускать нарастания напряженности в относительно благополучном западном секторе Кавказского региона, куда входят такие субъекты Российской Федерации, как Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Адыгея, Краснодарский край.

Немаловажным является предупреждение конфликтов. Таким средством может являться управленская деятельность по отслеживанию уровней социальной напряженности по различным плоскостям общественных отношений и приведение их к оптимальному значению. При этом следует учитывать, что данная мера эффективна только в условиях относительной стабильности социально политической системы и ограниченно применима к условиям нестабильных средств⁶.

На сегодняшний день одним из действенных инструментов, направленных на повышение благосостояния и качества жизни населения субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского региона, является реализация федеральных целевых программ социально-экономического развития, которые помогают решать текущие задачи в экономике субъектов, в том числе и по снижению межэтнической напряженности.

3. Государство и религиозные объединения: реалии и перспективы социального партнерства

На протяжении своего развития общество сталкивается с проблемой отношения к тем его членам, которые не могут самостоятельно обеспечить свое полноценное существование, малоимущим и нуждающимся гражданам. Социально-экономические и

⁶ Абдулатипов Р.А. Национальный вопрос и государственное устройство России. - М: Изд-во "Славянский диалог", 2000. С. 39

политические преобразования российского общества, осуществленные в постсоветский период, актуализировали проблему социальной защиты населения, обусловили поиск новых подходов и средств к социально незащищенным гражданам, обеспечения им социальных гарантий. Наличие большой массы нуждающихся, уязвимых и незащищенных граждан в современной России делает чрезвычайно актуальной проблему организации помощи им по различным каналам.

Реальные условия формирования современной конкурентоспособной экономики все настойчивее обращает внимание на роль человеческого капитала в постиндустриальном развитии. Это означает, что социальная сфера должна обеспечивать дополнительный потенциал экономического роста. Добиться этого можно лишь вместе с обществом и при условии контроля с его стороны, прежде всего за социальной политикой государства. Поэтому, социальная работа государственных учреждений – одна из важных составляющих государственной политики в социальной сфере общества.

Другим таким направлением является налаживание социального диалога государства и общества, в частности, государства и религиозных объединений. Необходимо отметить, что реальными чертами социальной жизни российского общества последних десятилетий XX – начала XXI веков стали рост престижа религиозных объединений, их статуса, расширение участия в таких сферах социальной жизни, как образование, помощь малообеспеченным и неимущим, работа с трудными подростками, детьми, оставшимися без попечения родителей, людьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию. Религиозные объединения по праву стали реальным элементом социальной структуры современного российского общества, субъектом-участником решения социальных проблем.

Благотворительность является преобладающим направлением социального служения религиозных объединений. Социальное служение, осуществляемое этими объединениями, не претендует на замену реализуемой государством социальной защиты населения, но способна в той или иной мере смягчить остроту социальных проблем, выступив партнером государства в решении социальных вопросов.

В связи с вышеизложенным, весьма актуальной проблемой является выявление чёткого разграничения понятий «социальная работа» и «социальное служение», а также их форм работы и направления деятельности в сегодняшней социальной политике государства.

Следует отметить, что социальная работа всегда имеет предмет, смысл и назначение в самом обществе, а общество – «социономно». Социальное же служение рассматривает общество как некую ступень на пути к «концу и началу», основе всякой цели и смысла – Богу. В отличие от понятия «социальная работа», «социальное служение»

в некотором отношении более узко по объему. Поэтому, с точки зрения конфессиональной организации, социальное служение есть род совершенно специфической деятельности, к которой верующий особым образом предназначен, а именно: «призван». Религиозный смысл социального служения, таким образом, становится теонимным. Иногда в священных текстах различных религий можно обнаружить парадигму социального служения как заповедь или предписание. Рассмотрим их принципиальные отличия (таблица 2):

Таблица 2 - Отличия социальной работы и социального служения

Социальная работа	Социальное служение
В широком смысле социальная работа – это деятельность государства и общества, направленная на содействие социализации человека⁷. В узком смысле – это вид социальной деятельности, направленный на гармонизацию личностных и общественных отношений через оказание помощи отдельным индивидам, группам людей и общностям, испытывающим затруднения в социальном функционировании, посредством защиты, поддержки, коррекции и реабилитации, а также путем изменения или реформирования отдельных элементов социальной системы⁸.	Социальное служение - это особый вид социальной деятельности религиозных объединений, основанный на религиозных принципах вероучения и милосердия и реализуемый в форме как непосредственной помощи нуждающимся, так и в форме создания благотворительных институтов. В нем мотивы социальной деятельности перекликаются с мотивами религиозного служения. В узко-духовном смысле социальное служение ориентировано на нравственные ценности, сохранения души и надежду на вечное спасение. В широком смысле социальное служение выполняет функцию участия в реализации социальной политики государства – сохранение народа и сглаживания социальных проблем в обществе. Оно может быть направлено на защиту от отрицательного воздействия неблагоприятных факторов социальной среды или на смягчение этого воздействия⁹.

⁷ Социальные трансформации в России // Национальные интересы. 2006. № 4. С. 60-61

⁸ Сафонов А.Л. Социальная энциклопедия. – М., 2000. С. 348

⁹ Антонова О.И., Костина Н.Б., Сторчак В.М. Социальное служение. – М., 2012. С. 53-54

Продолжение таблицы 2

Социальная работа	Социальное служение
Источниками социальной деятельности государства являются общегуманистические идеи человечества.	Источниками социального служения – священные тексты, труды отцов Церкви, догматические принципы вероучений.
Социальный работник видит свою задачу в том, чтобы при помощи реабилитации, нормализации и реадaptации клиент смог обходиться без его помощи. Это становится критерием профессионального успеха работника. В социальной работе центральной фигурой является «клиент», а целью – освобождение его от потребности в социальных работниках.	Движущая сила социального служения – чувство нравственного долга, стремление делать добро во славу Бога и собственного спасения. Как вид социальной деятельности во главу угла оно ставит духовные стремления помогающих и их убеждения. Здесь акцент ставится на творящего добро, а его вклад измеряется величиной и долгосрочностью оказываемой помощи.
Социальная работа базируется на системе знаний как теоретического, так и практического прикладного характера, а также на определенных рациональных подходах в решении социальных проблем ¹⁰ . Отличительной чертой социальной работы является то, что она получила свое собственное развитие после признания ее как профессии.	Социальное служение есть добровольная помощь, базирующаяся на чувстве сострадания к людям. Эволюция социального служения шло параллельно с развитием религиозной мысли человечества.

Вместе с тем, между религиозным служением и светской социальной работой существует множество *точек соприкосновения*:

1. Социальная работа и социальное служение имеют дело с человеком, с его социальными проблемами. Они помогают ему справиться с предельными кризисными ситуациями, которые встречаются на его жизненном пути.

2. Социальное служение, как и социальная работа, выполняют ряд важных функций в обществе:

- мировоззренчески обосновывает природу объектов социальной деятельности и необходимость оказания ими помощи нуждающимся;
- консолидируют и сплачивают усилия людей - участников социальной деятельности;
- психически утешают и укрепляют духовное здоровье нуждающихся;
- осуществляют социальный контроль за распределением помощи и услуг, а также адаптируют людей из состояния нищеты и другим природным и социальным невзгодам и т.д.

Для социального служения религиозных организаций (при всех их вероисповедных различиях) характерна многофункциональность (не только оказание материальной помощи, но и духовные и иные формы поддержки людей при тяжких обстоятельствах,

¹⁰ Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной терапии и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. - М., 1997. С. 19-22

участие в воспитании детей, опека над немощными, нравственная поддержка заключенных и т.д.). Социальным служением занимаются, как правило, лица, имеющие призвание к этой работе и обладающие в той или иной мере соответствующими личностными и профессиональными навыками. Практика показывает, что здесь в большей мере достигается персональный, целевой, адресный характер поддержки, — чтобы помощь доходила по назначению (что далеко не всегда удается при государственных формах социального обеспечения).

В то же время следует отметить, что исповедуемые религиозными организациями вероучения влияют на осуществляемые ими программы социального служения, а благотворительная деятельность подчас используется (особенно некоторыми зарубежными миссионерскими организациями) для распространения своих воззрений, в том числе среди последователей иных религий и неверующих. Характерно, что религиозный экстремизм и фанатизм, нехарактерные для действующих в Российской Федерации на законной основе религиозных организаций, отрицается организаторами социального служения во всем мире, а его носители не допускаются к занятию этим видом деятельности.

В современном социальном служении различных религиозных объединений важно выделить наиболее эффективные формы и направления практики благотворительной деятельности. Например, православные общества в последнее время значительно активизировали работу в области здравоохранения, оказания помощи наркоманам, алкоголикам, заключенным; протестантскими организациями накоплен интересный опыт работы с детьми из неблагополучных семей, детских домов и интернатов. Все конфессии уделяют большое внимание организации помощи инвалидам, престарелым, безработным. В центре внимания христианских и исламских организаций находится налаживание содействия жертвам межэтнических конфликтов — беженцам и перемещенным лицам, использование различных средств для улаживания межнациональных противоречий и т.п.¹¹.

Основные принципы социального служения, в отличие от социальной работы, во многом исходят из социальных концепций религиозных объединений. Структура социальных концепций христианских конфессий не идентична. По-разному представлена и программа социального служения в зависимости от диапазона рассматриваемых проблем и перспектив их решения. При этом в них в различной последовательности рассматриваются проблемы, представляющие общий интерес: определение основных

¹¹ Решетников О.В. Актуальные вопросы организации социального служения. — М., 2006.

богословских положений; взаимодействие церкви и нации, церкви и государства, религиозной этики и светского права, церкви и политики; взаимосвязь преступления и наказания, здоровья личности и народа; формирование здорового отношения к личности, семье, труду, собственности, войне и миру, средствам массовой информации; проблемы биоэтики, экологии, науки, культуры, образования, глобализации и секуляризма, международных отношений.

Основополагающими началами социального учения католической церкви являются принципы справедливости и общественной любви. Таким образом, объектами социального служения выступают человеческая личность и общество. Государству приписывается вспомогательная функция, подразумевающая минимум стратегического вмешательства – максимум конкретной помощи. В качестве фундамента государственной системы предлагается поддерживать демократию и рыночную экономику.

В «Основах социального учения Христиан адвентистов седьмого дня» (ХАСД) наряду с объективными основаниями глобализации, свидетельствующими о необходимости срочных и скоординированных усилий всех народов, рассматриваются и негативные тенденции, сопровождающие этот процесс. Задача адвентистской церкви в условиях глобализации сводится к укреплению мировоззренческих и нравственных основ личности и общества.

Русская Православная церковь в основах социальной концепции документально отказывается от поддержки каких-либо политических сил, от вмешательства в дела государства, признавая иные формы социальной активности, взаимодействия с властями разных уровней во имя всеобщего блага, особенно на поприще миротворчества, благотворительности, решения социальных проблем, сохранения и развития культурного наследия, заботы об общественной нравственности. В изложенном документе дано богословское обоснование участия церкви в мирских делах, связи социального служения с миссией спасения человеческого рода. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» выражена тревога за здоровье, благосостояние, нравственный уровень широких слоев населения. Но если в историческом прошлом эта миссия нередко отодвигалась на второй план, то в данном документе забота и попечение об обездоленных приоритетны.

В рассмотренных разделах документов о социальном служении христианские конфессии стремятся к компромиссу, желая объединить людей с различными убеждениями. Эта линия обнаруживает себя и в вопросах образования. В разделе «Светская наука, культура, образование» социальной концепции православной церкви полезным объявляется преподавание христианского вероучения в светских школах и

вузах с согласия детей или их родителей. В концепции Христиан веры евангельской отношение к светскому образованию не отличается от вышеуказанного. С этой позиции особенно интересно отношение адвентистов (ХАСД) к образованию, выраженное в негативной оценке внедрения христианской или какой-либо другой мировоззренческой модели в качестве основообразующей для духовной жизни всего российского общества. Не усложняя программу светской школы курсами православия, ислама или иудаизма, на наш взгляд, правомерно было бы оставить конфессиональное воспитание детей на откуп религиозным семьям и организациям.

Вопрос семьи и ее функций – один из самых животрепещущих и спорных в современных религиозных концепциях. Во всех анализируемых концепциях внебрачные связи и их пропаганда осуждаются как грех против целомудрия, порождающий негативные социальные последствия. Резко осуждаются аборты и современные методы планирования семьи (к последним более терпимы Христиане веры евангельской). По вопросу развода дальше всех пошли авторы православной концепции. Здесь их позиция более современна и светски обозначена, чем у евангелистов и адвентистов.

Существенным отличием социальных концепций Российского объединенного союза Христиан веры евангельской и Церкви христиан адвентистов седьмого дня от социальной концепции Русской Православной церкви являются разделы «Социальная деятельность» и «Социальное служение церкви как ответ на нужды общества» соответственно. Евангелисты дают в этом разделе библейское определение понятия «милосердие», указывают направления участия церкви в социальной деятельности и перспективы социального служения церкви. Адвентисты седьмого дня пошли еще дальше. Их позиция по вопросу социального служения представляется нам наиболее продуманной и отвечающей реалиям современного российского общества. Они выступают за стратегическое долгосрочное планирование социальных программ, выражают стремление к активному межконфессиональному сотрудничеству и согласию в решении межэтнических проблем, воспитании толерантности, укреплении нравственных и духовных основ, столь необходимых для построения гражданского общества¹².

Сравнительный анализ рассмотренных социальных учений позволяет судить о том, что их авторы признают возможность построения единой социальной доктрины, основанной на Библии. Вероучительные различия в социальных взглядах практически стерты. Незначительные частные отличия, обнаруживаемые в программах, выражены в компромиссной форме. На наш взгляд, очевидны результаты экуменического движения,

¹² Решетников О.В. Концепция социального служения в современном обществе. - М., 2008.

преследующего цель преодолеть догматические и канонические различия в христианстве, в частности, в связи с социальными программами. Очевидны ориентиры служения христианских церквей на принципы построения гражданского общества и правового государства при опоре на светские представления о них.

В настоящее время социальное служение Русской Православной церкви (РПЦ) возвращается к своим исконным традициям, когда призрение осуществлялось через монастыри и приходы, где предоставляется комплекс социальных услуг: обучение, лечение, воспитание, вспомоществование, предоставление уюта нуждающимся.

Социальное служение (диакония) осуществляется РПЦ в *двух направлениях*:

1. Работа в государственных учреждениях, предусматривающая оказание помощи в больницах, детских домах, интернатах (осуществляется благотворительными братствами и сестричествами).

2. Создание собственных структур для реализации социальных программ - больниц, богаделен, образовательных, реабилитационных центров, гостиниц, призванных осуществлять работу с различными социальными категориями населения - инвалидами, детьми сиротами, многодетными семьями, заключенными, беспризорниками, бомжами, мигрантами, беженцами, вынужденными переселенцами и др.¹³

Социальная работа в РПЦ осуществляется в *следующих направлениях*:

1. Медицинские программы - оказание помощи страдающим людям в рамках медицинских учреждений (больницы, госпитали). Первая церковная благотворительная больница святой блаженной Ксении Петербургской была открыта в 1990 г. в Санкт-Петербурге, а в 1992 г. Московскому патриархату РПЦ была отдана городская клиническая больница № 5, получившая название Центральная клиническая больница святителя Алексия Московского, на базе которой была создана патронажная служба, призванная обеспечить уход за больными. На дому больных проводится уборка квартир, стирка, осуществляется помощь в домашнем хозяйстве. Подобные больницы существуют во многих епархиях Московского патриархата.

2. Детские программы - оказание помощи детям из многодетных семей, детям-сиротам, детям-инвалидам, детям из многодетных семей, беспризорным и безнадзорным. Во многих епархиях созданы приюты, детские дома, школы-интернаты, при которых имеются часовни, где совершаются молебны, таинства, проводятся беседы, для воспитанников организуются культурный досуг, летние и зимние лагеря отдыха. С целью

¹³ Устиненко В.Б. Социальное служение религиозных организаций в контексте социальной политики современной России // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.13. - М., 2008.

оказания комплексной помощи в духовном воспитании, профессиональной подготовке воспитанников детских домов и детей, нуждающихся в социальной защите, создании материальных условий для начала их самостоятельной жизни Отдел по церковной благотворительности и социальному служению учредил Международный благотворительный центр преподобного Серафима Саровского.

3. Социальная деятельность в области образования предусматривает создание воскресных школ при храмах, евангельских кружков для взрослых, групп подготовки взрослых к крещению, православных детских садов, православных групп в государственных детских садах, православных школ, гимназий, лицеев, православных факультативов в частных и государственных школах; проведение бесед, лекций по определенным программам в храмах; организацию православных курсов катехизаторов, а также православные детские, юношеские, семейные лагеря отдыха, Большую роль в духовном просвещении населения играют православный Свято-Тихоновский Богословский институт, Православный университет Иоанна Богослова и другие высшие учебные заведения.

4. Организация помощи престарелым и инвалидам предусматривает оказание не только материальной, медицинской, психологической помощи нуждающимся людям, но и организацию их культурного досуга. Так, для престарелых, инвалидов, ветеранов войны и труда устраиваются благотворительные вечера, концерты, организуются экскурсии по святым, историческим местам, встречи с известными людьми. Большую помощь в этом направлении оказывает православное общество «Надежда и спасение», а также благотворительные, общественные организации.

5. Программа по борьбе с безработицей предусматривает оказание помощи людям, оставшимся без работы: организация занятости безработных на дому (швейное, сапожное дело и др.), оказание поддержки в поисках работы. Вопросы женской безработицы призван решать созданный при Отделе по церковной благотворительности и социальному служению Московского патриархата «Координационный совет женских благотворительных организаций».

6. Программы по работе с алкоголе- и наркозависимыми - предусматривают работу с людьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. С этой целью создаются семейные клубы трезвости, в которых проводится комплексная, профилактическая работа со всеми членами семьи; создаются профилактические оздоровительные центры. Работа с наркозависимыми носит системный характер и включает не только психотерапевтическую работу, но дополняется ценностной ориентацией пациента, основанной на православном мировоззрении и в оцерковлении. Огромную помощь в этом направлении оказывают

общественные организации, такие как «На пути трезвости», «Трезвая Россия», которые ежегодно устраивают выездные мероприятия, способствующие искоренению этой проблемы XXI века.

7. Работа с мигрантами, беженцами, вынужденными переселенцами, соотечественниками, оказавшимися за пределами своего исторического проживания, предусматривает оказание материальной, гуманитарной, консультативной юридической, психологической помощи; оказание помощи организациям беженцев «Общий дом», Российскому фонду помощи беженцам «Соотечественники» и др.

8. Помощь жертвам стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций предусматривает оказание материальной, психологической помощи независимо от национальности и вероисповедания.

9. Работа с заключенными в исправительно-трудовых учреждениях, изоляторах носит комплексный характер - оказание психологической, материальной поддержки заключенным (после отбывания срока заключения), а также приобщение оступившегося человека к вере. Во многих местах лишения свободы созданы часовни, моленные дома, в которых священники могут общаться с заключенными, помочь им вновь обрести смысл жизни, построить планы на будущее.

10. Социальное служение РПЦ в Вооруженных Силах началось с 1996 г., когда в РПЦ был создан Синодальный отдел по взаимодействию церкви с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями. Согласно ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» командование воинских частей с учетом требований воинских уставов не препятствует участию военнослужащих в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях. Со многими министерствами и ведомствами подписаны соглашения о сотрудничестве, предусматривающие организацию мероприятий, основной целью которых является преодоление духовно-нравственного кризиса, укрепление правопорядка и законности. Так, в ноябре 2004 г. было подписано долгосрочное Соглашение между РПЦ и МВД РФ, предусматривающее развитие отношений в вопросах патриотического воспитания, духовно-нравственного просвещения военнослужащих, с Федеральной пограничной службой утвержден перспективный план взаимного сотрудничества.

11. Оказание помощи бомжам предусматривает бесплатное питание, оказание психологической, медицинской, юридической помощи, а также помощь в поиске рабочих мест. Такая работа ведется во многих епархиях, в частности, в Москве в Подворье Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, храме бессребреников Космы и Дамиана в

Шубине, храме Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке, храме Трёх Святителей на Кулишках и др.¹⁴

В заключении необходимо отметить, что милосердие и благотворительность являются ценностными ориентирами, которые обладают высоким гуманистическим статусом, разработанные в широком контексте русской религиозной философией. Сегодня они обретают конкретную практическую значимость, как для светской социальной работы, так и социального служения религиозных организаций, т.к. обе эти категории неотделимы от проблем общественного развития и участвуют в регулировании социальных отношений, обеспечивающих жизнедеятельность и отдельного человека и общества в целом. Объекты социального служения зачастую схожи с объектами социальной работы, хотя они и отличаются механизмом выбора со стороны субъектов. В системе субъектов социального служения заметное место занимают общественные неправительственные и церковные организации, которые фактически выполняют функции социальной защиты нуждающихся людей.

Институционализация социального служения в Российской Федерации является одной из важных сегодняшних составляющих в деятельности государственных органов власти. Реализация данной задачи приведёт к полноценному включению граждан в реализацию целей и задач социальной политики; к становлению гражданского общества современной России на принципах социальной ответственности и личностного служения.

4. Совершенствование механизмов регионального управления в контексте современной этнорелигиозной ситуации в России: практические рекомендации

Результаты исследования этнорелигиозной ситуации в контексте межрелигиозных и этноконфессиональных отношений, позволившего выявить и уточнить роль религиозного фактора и специфику его влияния на общество в регионах России, стали основанием для разработки практических рекомендаций по оптимизации государственно-конфессиональных отношений на региональном уровне, которые могут в целом способствовать совершенствованию механизмов управления социокультурными и социально-политическими процессами в региональном и федеральном масштабе.

1. Органам местного самоуправления в регионах рекомендуется в процессе взаимодействия с представителями различных конфессий разработать стратегии и механизмы реализации эффективной политики конструктивных отношений со служителями культа, ориентированной на следующие актуальные направления:

¹⁴ Социальная работа: Учеб. пособие. – М., 2010.

– разработка программы развития государственно-конфессиональных отношений (при этом должен соблюдаться принцип, заложенный в конституции, гражданские ценности не должны подменяться религиозными и не должны им противопоставляться) в регионах и муниципальных образованиях. С учетом сложных процессов, происходящих в религиозной среде, органы власти всех уровней в своей концептуальной и практической деятельности должны решительно отстаивать конституционные принципы светского государства;

– расширение исламских гражданских инициатив на микроуровне и использование опыта религиозных общин по борьбе с преступностью, наркоманией, помощи социально незащищенным слоям населения;

– повышение религиозной грамотности населения. Легальные центры мусульманского образования (медресе и университеты) должны стать центрами популяризации антиэкстремистских идей;

– повышение общего уровня образования и культуры определенной части населения (чаще всего участники экстремистских актов этноконфессиональной направленности – люди с низким образовательным уровнем);

– использование потенциала религиозной литературы, периодики и Интернет-сайтов для формирования антиэкстремистских ценностей. Доступность в получении и распространении информации, связанной с ценностями, позиционируемыми религией;

– привлечение представителей различных конфессий к работе с мигрантами, трудовыми мигрантами, беженцами, переселенцами;

– разработка и внедрение информационных технологий для экспертно-аналитических систем, обеспечивающих полноту, достоверность и доказательность результатов содержательного анализа текстовых информационных ресурсов религиозных сайтов;

– разработка программы по разоблачению деятельности деструктивных сект и культов в СМИ.

2. Органам местного самоуправления совместно с представителями различных этно-религиозных организаций рекомендуется разработать эффективные механизмы регулирования противоречий между различными внутри - и межконфессиональными группировками. В связи с этим в числе действенных мер предлагаются следующие:

– организация общественных дискуссий, связанных с общественной оценкой тех или иных событий этноконфессиональной направленности, с деятельностью различных направлений в рамках той или иной конфессии.

- для организации противодействия экстремистским идеологиям необходимо сосредоточить усилия на выявлении сути их отступлений от исламской традиции и компрометации на этой основе такого рода взглядов в глазах мусульман и приверженцев других религиозных верований. В частности, говоря о «неверных» или «врагах ислама» (отступники, многобожники, лицемеры), идеологи экстремизма значительно расширяют круг их участников: сюда сразу попадают не только все не мусульмане, но и террористически «правовверные», которые не придерживаются идеологической линии экстремистов;

- контрпропаганда должна носить не абстрактный характер, а ориентироваться на целевые аудитории. Для этого важно изучать по разным параметрам состав экстремистских групп и групп риска;

- поддержка и популяризация проводимых рядом исламских централизованных организаций (ДУМ Дагестана, Совет муфтиев России) экспертиз и оценок всей исламской литературы, поступающей из-за рубежа и издаваемой в стране;

- популяризация в СМИ и Интернете позитивного опыта работы (в том числе мирового, исторического) по примирению сепаратистских течений в рамках различных конфессий.

3. Органам местного самоуправления рекомендуется более активно привлекать религиозных деятелей различных конфессий к общественным дискуссиям по прецедентным в настоящий период темам:

- история этноса как представление народа о своем прошлом, настоящем и будущем;
- традиции, которые играют роль хранителя социальных ценностей (выполняют функцию социального цензора);
- представления о будущем этноса и, в соответствии с этим, мнения и убеждения, определяющие поведение и деятельность человека, социальных групп и этноса в целом.

Это даст возможность противостоять попыткам реанимировать архаичное сознание, символы, инициативы; придать старым религиозным обычаям новое национально-политическое звучание (в качестве примеров – возвращение ширитских судов, полигамные браки и т.д., если представители различных конфессий примут участие в дискуссии по этим вопросам, то это поможет выработать те точки зрения, которые соответствуют современному уровню ценностей цивилизационного развития).

4. Органам местного самоуправления рекомендуется активизировать взаимодействие с общественными организациями и национальными объединениями с целью оптимизации государственно-конфессиональных отношений на региональном уровне. Общественные организации и национальные объединения, центры и землячества

могут стать инициаторами акций, привлекающих религиозных деятелей и людей - представителей разных конфессий - к проведению различных мероприятий, семинаров, дискуссий, ориентированных на формирование и поддержание конструктивного межкультурного и межконфессионального диалога.

5. Органам власти и местного самоуправления в регионах рекомендуется разработать эффективные механизмы по противодействию идеологии терроризма. В связи с этим предлагается использовать следующие методы и формы антитеррористического и антиэкстремистского характера:

- активизировать взаимодействие государственных органов власти и местных общественных объединений в целях выработки единой стратегии и тактики в рамках осуществления региональной и муниципальной политики в сфере противодействия терроризму.

- разработать эффективные меры по сдерживающему и позитивному воздействию на поведение отдельных лиц и групп лиц, склонных к экстремистским действиям.

- разработать программы антитеррористических мероприятий для различных организаций, а также эффективные методы и формы их проведения в регионах с обязательным определением источников финансирования.

- активизировать идеологическую работу через потенциал спецслужб, использовать действенные меры, препятствующие распространению различных экстремистских течений ислама и деструктивных сект, стимулирующих сепаратизм, терроризм и порождающих в обществе тенденции интолерантности.

6. В целях борьбы с экстремистской и террористической идеологией органам власти и местного самоуправления в регионах рекомендуется активно и стратегически обоснованно использовать различные социально-экономические методы и формы:

- разработать программу по частичному преодолению глубокой дифференциации социальных и этнических групп, поляризации их интересов, маргинализации определенной части населения.

- разработать меры, направленные на снижение уровня безработицы в регионах, создание благоприятных условий для привлечения финансовых вложений в муниципальное образование и, как следствие, развитие производства и промышленности.

- разработать эффективную стратегию, ориентированную на искоренение коррупции (в рамках данной стратегии активно использовать формы публичного разоблачения и осуждения чиновников и силовиков, разоблачения коррумпированных представителей различных конфессий).

- разработать адресную программу по социально-психологической адаптации мигрантов (в данной программе особое внимание должно быть уделено трудовой миграции, а также подготовке чиновников к работе с мигранта).

- разработать меры по социальной, экономической и психологической поддержке различных нуждающихся групп населения (пособие, предоставление льгот, бесплатные консультации юристов, психологов, социальных работников); целевые программы помощи (региональные, муниципальные).

7. Органам местного самоуправления рекомендуется регулярно проводить мероприятия, способствующие нормализации психологического климата в регионе (фестивали, конференции, студенческие форумы, этнические праздники).

8. Органам местного самоуправления рекомендуется инициировать позитивные социальные перспективы значительной части населения (здравоохранение, обучение, отдых).

9. Органам местного самоуправления рекомендуется создать региональную и муниципальную систему социальной защиты групп населения, находящихся в ситуациях жизненного кризиса (инвалиды, малоимущие, пенсионеры, безработные) и активно привлекать к деятельности в рамках данной системы представителей разных конфессий.

10. Органам местного самоуправления совместно с религиозными организациями рекомендуется разработать специализированные программы помощи молодежи (молодые семьи, стипендии, помощь молодым специалистам).

11. Органам местного самоуправления рекомендуется разработать меры, направленные на улучшение материально-технической базы учреждений культуры и досуга; повышение уровня и качества культурных услуг с точки зрения их содержания и формы, с учетом этно-религиозных особенностей региона.

12. Органам местного самоуправления в процессе взаимодействия с этно-религиозными организациями рекомендуется активно использовать следующие эффективные информационно-пропагандистские методы:

- активное проведение информационно-политических мероприятий, влияющих на ценностные установки населения;

- разработка системы социальной рекламы по пропаганде антитеррористических ценностей.

13. Органам местного самоуправления рекомендуется разработать меры, направленные на искоренение элементов насилия из широкого спектра идеологий, которые оправдывают его использование для достижения стоящих перед конкретными людьми или группами граждан политических, религиозных и любых иных целей.

14. Органам местного самоуправления совместно с представителями этно-религиозных организаций рекомендуется разработать эффективные меры по предупреждению антироссийских политических и информационно-пропагандистских акций, проводимых с использованием так называемого «чеченского фактора», «исламского вопроса», которые негативно влияют на обстановку в Северо-Кавказском регионе, общественно-политическую ситуацию в России в целом и на ее международный авторитет.

15. Органам государственной власти рекомендуется разработать эффективные стратегии, направленные на реализацию информационно-пропагандистской деятельности, ориентированной на формирование негативного отношения общества к радикальным религиозным, экстремистским и террористическим объединениям. В связи с этим необходима подготовка квалифицированных пропагандистов (на региональном, муниципальном уровнях).

16. Органам местного самоуправления совместно с представителями этно-религиозных организаций рекомендуется создать эффективную систему просвещения граждан об опасности терроризма, религиозной нетерпимости, геноцида.

17. Органам государственной власти и органам местного самоуправления (на региональном уровне) рекомендуется создать сеть информационных источников, обеспечивающих получение достоверной информации о террористической угрозе и негативном влиянии экстремистских организаций (журналы, сайты).

18. Органам государственной власти и органам местного самоуправления рекомендуется разработать стратегии, направленные на популяризацию в СМИ позитивного опыта взаимодействия органов местного самоуправления, общественных объединений и религиозных организаций.

19. Органам государственной власти и органам местного самоуправления рекомендуется разработать эффективные стратегии в области культурной политики, образования и просвещения, ориентированные на следующие актуальные направления: патриотическое воспитание молодежи, нацеленность на неприятие ею идеологии насилия (на всех уровнях системы образования):

- повышение общеобразовательного уровня граждан, особенно в постконфликтных регионах РФ;
- создание эффективной системы просвещения граждан в части культурного и конфессионального многообразия, исторического единства жителей страны, истории религиозной нетерпимости, геноцида и других преступлений, порожденных экстремизмом и терроризмом;

- повышение профессиональной компетентности тех, кто выступает транслятором, официальной позиции государства в вопросах противодействия идеологии терроризма (учитель, преподаватель, чиновник, пропагандист). Совершенствование системы подготовки кадров и их социального обеспечения;
- расширение доступа широких слоев населения к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры и искусства, ориентированные на популяризацию установок толерантного сознания и поведения путем создания современных территориально распределенных информационных фондов (электронные целевые библиотеки, кампусы и т.д.);
- создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации путем совершенствования системы культурно-просветительской работы, организации досуга и массового внешкольного художественного образования (проведение конкурсов, тематических выставок, организация творческих союзов и т.д.);
- формирование регионального заказа на создание кинематографической и печатной продукции, телерадиопрограмм и интернет-ресурсов, направленных на популяризацию антитеррористических идей;
- использование культурного потенциала различных регионов России в интересах многостороннего международного сотрудничества, популяризация позитивного зарубежного опыта в пропаганде антитеррористической идеологии посредством культуры и искусства.

Возможно, реализация данных рекомендаций, ориентированных на основные тенденции и проблемы развития российского общества и государства, определенные в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», будет способствовать совершенствованию управления социокультурными и социально-политическими процессами с учетом этно-религиозного фактора в регионах России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World Christian Encyclopedia. 2nd edition. A comparative survey of churches and religions in the modern world. Oxford University Press. 2001.
Русскоязычные источники
2. Абдулатипов Р.А. Национальный вопрос и государственное устройство России. - М: Изд-во "Славянский диалог", 2000.С. 39.
3. Антонова О.И., Костина Н.Б., Сторчак В.М. Социальное служение. – М., 2012. С. 53-54.
4. Дружинин В.В., Конторов М. Д., Конторов Д.С. «Введение в теорию конфликта». - М.: Радио и связь, 1989. С. 38.
5. Здравомыслов А.Г., «Социология конфликта». -М.: М. Аспект-Пресс. - 1996. С. 75.
6. Нансо Д.А. «Современный быт и культура народов Кавказа». – Ставрополь:1998. С. 18.
7. Позмогов А.И., Бекойты А.Г. Возможности социально-экономического развития Чеченской Республики/«Инновационная экономика и промышленная политика региона (ЭКОПРОМ-2012)»// Материалы X-й Международной научно-практической конференции 24 сент.–3 окт. 2012 г. -СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 347.
8. Позмогов А.И., Бекойты А.Г. Религиозный экстремизм и социально-экономическая ситуация на Северном Кавказе/Молодежь за патриотизм и межнациональное согласие// Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Хасавюрт, 15-16 ноября 2012 г. –М: Парнас, 2012. С. 59.
9. Решетников О.В. Актуальные вопросы организации социального служения. – М., 2006. С. 67
10. Решетников О.В. Концепция социального служения в современном обществе. - М., 2008; Основы социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в России. – М., 2003. С 175-187
11. Сафонов А.Л. Социальная энциклопедия. – М., 2000. С. 348.
12. Социальная работа: Учеб. пособие. – М., 2010. С. 109-116
13. Социальные трансформации в России // Национальные интересы. 2006. № 4. С. 60-61.
14. Устиненко В.Б. Социальное служение религиозных организаций в контексте социальной политики современной России // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.13. - М., 2008.
15. Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной терапии и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. - М., 1997. С. 19-22.
16. Щипков А. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. Курс лекций // Изд-во РХГИ. Санкт-Петербург. 1998. С. 50-68
17. Большая Хоральная синагога. Электронный ресурс // URL: <http://sinagoga.jeps.ru/sinagoga/sluzhba-znakomstv.html> (дата обращения 10.06.2015)
18. Казьмина О.Е. Конфессиональный состав населения России. Электронный ресурс // URL: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/n18.html (дата обращения 15.06.2015)
19. Конфессиональный состав населения. Религии народов России. Электронный ресурс // URL: <http://geographyofrussia.com/konfessionalnyj-sostav-naseleniya-religii-narodov-rossii/> (дата обращения 12.06.2015)
20. Ленинградская область. Социальная карта Российской Федерации. Электронный ресурс // URL: http://sockart.ru/analytics/social_passport/53/ (дата обращения 10.06.2015)

21. Мусульмане России. Электронный ресурс // URL: <http://www.dumrf.ru/common/event/9105> (дата обращения 11.06.2015)
22. Национальный и конфессиональный мир Ленинградской области. Форум народов Ленинградской области. Электронный ресурс // URL: <http://forumnarodov47.ru/?id=10> (дата обращения 11.06.2015)
23. Новости иерархии литургических церквей. Электронный ресурс // URL: <http://www.hierarchy.religare.ru> (дата обращения 10.06.2015)
24. Официальный сайт Администрации Ленинградской области. Электронный ресурс // URL: <http://www.lenobl.ru/> (дата обращения 09.06.2015)
25. Римско-Католическая Архиепархия Божией Матери в Москве. Электронный ресурс // URL: <http://cathmos.ru/content/ru/publication-2010-04-21-16-27-15> (дата обращения 10.06.2015)
26. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. Электронный ресурс // URL: <http://www.patriarchia.ru/> (дата обращения 15.06.2015)
27. СПб Митрополия РПЦ. Электронный ресурс // URL: <http://mitropolia.spb.ru/about/> (дата обращения 15.06.2015)
28. Томская онлайн-энциклопедия. Электронный ресурс // URL: <http://towiki.ru/view> (дата обращения 10.06.2015)
29. Церковь Ингрии. Электронный ресурс // URL: <http://www.elci.ru/> (дата обращения 11.06.2015)